Василий Успенский

ТИПОЛОГИЯ ИЗОБРАЖЕНИЙ «РУССКИХ МЕДВЕДЕЙ» В ЕВРОПЕЙСКОЙ КАРИКАТУРЕ XVIII — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Группой петербургских исследователей[1] было выявлено существование более ста[2] сатирических гравюр с участием русского медведя, созданных на протяжении с 1737 (самый ранний известный нам случай изображения России в образе медведя) по 1836 год. Почти все гравюры — английские; большинство из них изданы в Лондоне, исполнены в технике офорта и раскрашены от руки.

Английскому происхождению подавляющего большинства листов не следует удивляться — в то время ни в одной стране мира карикатура не достигла такого уровня развития, как в Великобритании. Причиной этого была беспрецедентная свобода печати и большая политизированность общества. Только здесь карикатура считалась искусством, а сатирические листки создавались профессиональными художниками[3] (в остальных странах это был удел безвестных ремесленников). Изображения русского медведя можно найти среди работ виднейших представителей английской карикатуры «золотого века»: У. Хогарта, Т. Роуландсона, Дж. Гиллрея, И. Крукшенка.

Кроме того, есть некоторые основания утверждать, что сам образ «русского медведя» имеет английские корни.

На протяжении рассматриваемого периода листы с изображением русского медведя возникали неравномерно, поскольку Россия лишь изредка появлялась на горизонте внешнеполитических интересов Британии, в основном в связи с различными военными действиями.

В течение первого пятидесятилетия — с 1737 по 1785 год — было создано только девять листов, причем пять из них (самых ранних) относятся к одной серии. Эти гравюры заметно отличают-

---

[1] В рамках проекта «Россия как Медведь», стартовавшего в 2006 году, поиск медвежьих сюжетов в европейской графике XVI—XIX веков осуществлялся А.А. Россомахиным, В.М. Успенским и Д.Г. Хрусталевым.

[2] На начало мая 2009 года — 108 гравюр с изображением русского медведя и не менее 16 листов, где он упоминается в подписях или репликах.

[3] Впрочем, среди английских карикатуристов было немало и художников-дилетантов, в т.ч. из самых высоких слоев общества.

ся от тех, что были созданы в последующее время, поскольку принадлежат иной, архаичной традиции сатирической гравюры.

В следующие пятьдесят лет увидели свет около ста листов. На представленной диаграмме видны всплески популярности «медвежьей темы» в 1791 году — во время Очаковского кризиса, в 1799-м — после присоединения России к антифранцузской коалиции, и в 1801-м — после выхода из нее. Наибольшее количество карикатур было издано в Наполеоновскую эпоху: во время военных кампаний 1803—1806 годов; в связи с их завершением и подписанием Тильзитского мира (1807—1808) и, наконец, во время войны 1812—1814 годов.

После этого количество «медвежьих» листов резко падает. Последние всплески интереса зафиксированы в 1828—1829 и 1831—1832 годах, в связи с русско-турецкой войной и подавлением польского восстания[4].

Ниже мы попробуем выделить основные типы изображения русского медведя в течение указанного столетия.

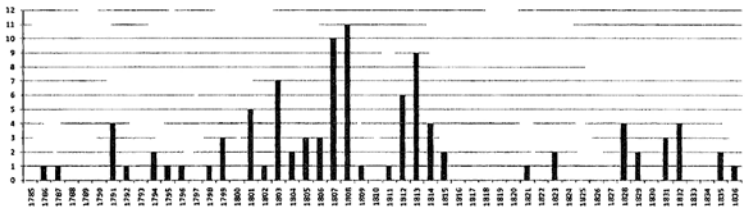
Рассмотрим прежде всего самый распространенный тип. В подавляющем большинстве гравюр медведь изображен в ошейнике (26 листов), намордник (13 листов) или на привязи (23 листа). Такое изображение генетически связано с традиционными для Европы городскими увеселениями — медвежьей травлей (англ. bear-baiting) и «медвежьей комедией». В ряде листов изображается и сама сцена травли или ярмарочного представления с участием медведя.

В Англии медвежьи травли были очень популярны еще с XVI века (в ту эпоху ими любовались даже коронованные особы) и вплоть до 1835 года, когда они были запрещены по решению парламента. Во время подобных представлений на медведя, прикованного цепью за лапу или шею к врытому в землю столбу, натравливали свору специально обученных собак, иногда усугубляя ярость зверя кнутом.

Примечательно, что именно с травлей связана одна из интересных теорий происхождения медвежьей метафоры. Эдвард Сагден в «Топографическом словаре к работам Шекспира и его коллег-драматургов» комментирует многочисленные упоминания русского медведя в пьесах XVI—XVII веков[5] следующим образом: «Медведей привозили из России в Англию для медвежьей травли, столь

[4] См. каталог английских карикатур 1826—1832 годов, представляющих Россию в образе медведя в книге: *Россомахин А., Хрусталев Д.* Польская диета Русского Медведя. СПб., 2009. С. 78—103.

[5] Некоторые из цитат в русском переводе приведены в книге: *Россомахин А., Хрусталев Д.* Русская Медведица, или Политика и похабство. СПб, 2007. С. 7—8.



популярной в Лондоне»[6]. С ним соглашается Сьюзан Черазано, добавляя, что из России привозили белых медведей (а бурых — из Германии), причем привозные звери были заметно крупнее местных, английских[7]. Об устойчивости этой традиции может говорить, например, тот факт, что 30 ноября 1749 года в «Кембриджской хронике» появилось объявление о том, что «в понедельник после полудня Великий Московитский Медведь ("Great Muscovy Bear") будет затравлен в Врестлер-инн»[8]. Указание на происхождение зверя (тем более в архаичной форме), по всей видимости, обусловлено тем, что среди любителей медвежьей травли оно стало своеобразным эталоном качества. Упомянем также, что в 1821 году Пирс Эган, автор книги «Жизнь в Лондоне», описывая сцену медвежьей травли, иносказательно назвал медведя «косматым Русским» («ragged Russian»)[9].

Другим традиционным европейским городским развлечением, с которым связано изображение скованного медведя, была так называемая «медвежья комедия». Бродячие поводыри ходили по городам с дрессированными медведями на привязи, заставляя их танцевать или показывать номера на потеху публике. Нередко их можно было встретить на городских ярмарках. Нам известны четыре листа, непосредственно изображающих русского медведя в «балаганной» обстановке.

При этом часто медведей показывали в паре с другим животным — как правило, с обезьяной, сидящей на его спине. Неповоротливость и мощь лесного зверя сопоставлялась с импульсивнос-

---

[6] *Sugden E.H.* A Topographical Dictionary to the Works of Shakespeare and His Fellow Dramatists. L., 1925. P. 444.

[7] *Cerasano S.P.* The Master of the Bears in Art and Enterprise // Medieval and Renaissance Drama in England. Vol. 5. N.Y., 1991. P. 198.

[8] *Porter E., Barrett W.H.* Cambridgeshire customs and folklore. N.Y., 1969. P. 228.

[9] *Egan P.* Real life in London. L., 1905. Vol. I, Part 2. Цит. по: http://www.gutenberg.org/files/20484/20484-h/london2.htm. Стоит также заметить, что эта фраза восходит к известному образу из шекспировского Макбета (3 акт, 4 сцена) — «rugged Russian bear» («всклокоченный русский медведь»), одному из первых упоминаний русского медведя в литературе.

Илл. 1

тью экзотического примата. Эту классическую пару можно видеть и во многих сатирических гравюрах — от Хогарта до Гиллрея, а также в английской керамике XVIII—XIX веков.

Отголоски сцен травли и «медвежьей комедии» несложно увидеть в карикатурах с участием русского медведя, Наполеона-мартышки, а также английского бульдога. Самый очевидный пример — лист «Заморские диковинки» 1801 года, на котором изображен Павел I в виде медведя на цепи с мартышкой-Наполеоном на спине. Впереди, в роли поводыря с дубинкой, шествует английский премьер-министр Уильям Питт, представляющий ученых зверей публике и, в частности, Джону Буллю — олицетворению Англии (см. также илл. 1).

Иногда происходит любопытная подмена: при показе схватки русского медведя с французскими обезьянами он изображается душащим их, подобному тому как во время травли медведь душит и кусает спущенных на него собак (листы «Состояние войны, или Обезьянье племя в опасности», 1799 г., илл. 2, и «Медведь, бульдог и обезьяна», 1812 г.). Таким образом, на место собаки был поставлен другой ассоциировавшийся с ярмарочным медведем персонаж — обезьяна, которая символизировала Францию. Схожую подмену можно наблюдать на примере сопоставления керамического кувшина из Стаффордшира (ок. 1813 г., музей г. Брайтона), изображающего русского медведя, который душит Наполеона, с

Илл. 2

аналогичным изделием того же производства, где на месте жертвы изображена собака.

Отметим в связи с этим, что повадка медведя душить свою жертву[10] была подсмотрена английскими карикатуристами, вероятно, именно во время медвежьей травли. Эта его особенность обыгрывалась также в гравюрах: авторы сатирических листков намекали на смертельную опасность дружеских на первый взгляд объятий («hug») русского монстра.

Изображение травли русского медведя заменяло англичанам «чучело для битья», позволяя с помощью визуального образа выместить злобу на Россию за недружественную Британии политику. (Отметим, что этот образ остается актуальным и в современной журналистской риторике — «Bating the Russian Bear» называлась статья в «Гардиан» от 9 июля 2009 года, посвященная конфликту вокруг ПРО в Европе.) Такие листы возникали в наиболее сложные моменты англо-русских отношений: в Екатерининскую эпоху — во время Восточного кризиса, когда две страны стояли на грани войны («Молодецкая забава, или Травля русской медведицы», 1791 г.; порка медведицы кнутом имеет здесь отчетливый эротиче-

[10] На самом деле медведь не душит свою жертву, но, обхватив, дерет когтями. Только со стороны это выглядит как удушение.

Илл. 3

ский подтекст); после начала блокады английских судов и организации Северного союза при Павле I, когда Россия из союзника Англии превратилась во врага («Северных медведей учат танцевать», 1801 г., илл. 3); и в 1807 году — после подписания невыгодного для Англии Тильзитского мира («Новый метод медвежьей травли»). Отметим, что желание «отхлестать врага кнутом» распространялось не только на русских медведей: на вышедшем в 1814 году листе «Корсиканский волчок, вращающийся на полной скорости» показаны союзники (среди них есть и Александр I), которые хлещут кнутами Наполеона, представленного в виде бешено крутящегося волчка.

Устойчивость изображения России в виде закованного в кандалы медведя может объясняться не только давними корнями этой метафоры и тем, что сцены медвежьей травли всегда были перед глазами англичан, но также дополнительным смыслом, которым такое изображение наделяло образ страны. Ошейник, намордник и цепи — символы рабства — указывали либо на внешнеполитическую зависимость России от других держав, либо, что бывало реже, — на несвободу ее жителей.

Особенно часто оковы указывали на политическую подчиненность России Наполеону: в 1801 году — после развала второй антифранцузской коалиции при Павле I, и в 1807 году — после подписания Тильзитского мира.

Илл. 4

Наиболее наглядно подвластность русского медведя запечатлена на листе 1801 года, где Наполеон представлен в роли поводыря: с дубинкой в одной руке и цепью, к которой прикован медведь с лицом Павла I, в другой (илл. 1). В той же роли хозяина-поводыря Наполеон выступает на девяти из двадцати одного листа 1807—1808 годов (как правило, он лично держит русского медведя за цепь).

Большую символическую роль играет и изображение ошейника. Так, на листе «Взаимные почести в Тильзите» 1807 года (илл. 4) русский медведь, которого Наполеон награждает орденом Почетного легиона, облачен в шутовской колпак и ошейник с шипами и ернической надписью «Collar of Independence» («Ошейник независимости»). На двух других листах 1807—1808 годов на русском медведе можно увидеть ошейники с надписями «This Bear belongs to Napoleon» («Этот медведь принадлежит Наполеону») и «Doctor Boney» («Доктор Бони» — т.е. Бонапарт).

При этом следует отметить, что в период войны 1812—1814 годов, когда было создано около восемнадцати листов с участием русского медведя, изображение ошейника появляется лишь на одном листе — да и то, по всей видимости, чтобы разместить на нем идентифицирующую надпись «Russian Bear». Это можно объяснить как тем, что Англия и Россия являлись в то время союзниками и указания на какую-либо «порабощенность» собрата по

оружию были неуместны, так и тем, что Россию все меньше воспринимали как пассивную, «скованную» державу. Последнее предположение косвенно подтверждается тем фактом, что за двадцать лет, с 1815 по 1835 год, изображение ошейника, цепей или других знаков «рабства» русского медведя встречается лишь в трех листах (1815, 1821 и 1823 гг.) и далее практически исчезает.

Впрочем, в нескольких гравюрах в изображении медвежьих оков можно усмотреть указание не на внешнее, но на внутреннее российское рабство. Так, на листе «Вознесение патриота» 1792 года изображен медведь в ошейнике, помогающий Екатерине II устанавливать бюст Чарльза Фокса. Здесь медведь служит олицетворением не России, а некоего абстрактного русского подданного — закованного в кандалы медведя.

Надо сказать, что порабощенность русских издавна входила в стереотипный ряд представлений о России, наряду с холодом и дикостью нравов. В качестве подтверждения достаточно привести две красноречивые цитаты из английских текстов XVI века: «Неужели я должна, как рожденные рабами Русские, считать за доблесть терпимость к тирании?» (Джон Вебстер, «Герцогиня Мальфи», акт III, сцена 5) и «Что есть ваша Россия для всех ее жителей, как не большая тюрьма, широкая галера?» (Джозеф Холл, «Послания», т. 2, послание 7-е). Отметим в связи с этим, что за спиной русского медведя на гравюре 1807 года «Бони и его армия на зимних квартирах» изображена именно «Государственная тюрьма», увенчанная двуглавым орлом. Сходные коннотации, очевидно, имело изображение медведя в качестве лакея или стража (см. листы «Намек Джона Булля на выгодный союз» 1794 г. и «Царская забава» 1795 г.).

Другой, значительно менее распространенный тип — изображение медведя в качестве военного (примерно полтора десятка листов). Первая подобная гравюра появляется в 1801 году (на ней Павел I представлен в виде медведя-рыцаря), однако заметное распространение этот вид получил только во время антинаполеоновских кампаний 1807 и 1812—1814 годов и особенно — в Николаевскую эпоху, а также в последующее время. Его популярность обусловлена тем, что образ России в европейской карикатуре вообще появлялся чаще всего в военном контексте.

Попробуем проследить эволюцию изображения русского медведя-воина на примере нескольких листов.

До 1807 года русский медведь не раз изображался в агрессивно-воинственном облике, но каких-либо конкретных примет русского солдата не было — среднестатистический англичанин, вероятно, не имел о нем никакого представления. Вообще, по

меткому замечанию Майкла Даффи, сатирические листы с изображением российских персонажей отличались «отсутствием какой-либо ясной изобразительной характеристики русских», что обусловлено недостатком сведений о них[11]. Действительно, долгое время Россия в глазах большинства европейцев оставалась terra incognita. До них доходила обрывочная, неточная и не слишком достоверная информация, на основе которой потом складывались самые удивительные легенды. Облик русских, несмотря на ряд иллюстрированных изданий, так же был малоизвестен. По этой причине образ медведя довольно точно отображал представления англичан о русских, ведь другого, *человеческого*, облика русского они не знали. Именно этим, пожалуй, можно объяснить то, что иногда на карикатуре в ряду человеческих фигур, символизирующих различные страны мира, Россия оказывается единственной державой, представленной в виде зверя — пресловутого медведя.

Так, на гравюре 1803 года «Похоронная процессия Бонапарта» в череде народов, спроваживающих на тот свет постылого тирана, мы видим англичан, итальянцев, испанцев, португальцев, пруссаков и австрийцев, голландцев и швейцарцев, датчан и шведов и даже арабов — все они представлены в виде людей. И только две нации — ненавистные французы и неведомые русские — представлены в виде животных: обезьян и медведя соответственно.

Другой пример — лист Джеймса Гиллрея «Союзные державы разувают Эгалите» 1799 года (илл. 5). На нем изображены шесть персонажей (почти все — военные), символизирующих каждый свою страну. Это турок с кривым носом, усами и тюрбаном с полумесяцем; прусский гусар в форме, с длинными усами, с трубкой в зубах; толстый голландский крестьянин в своем вечном коричневом костюме и с глиняной трубкой в кармане; английский моряк Джон Булль в соответствующем одеянии и с узнаваемой физиономией; и, наконец, француз в цветастом мундире с аксельбантами и треуголкой с трехцветной кокардой на голове. Как видно, каждый из героев легко узнаваем и наделен рядом характерных национальных признаков. И лишь Россия на этой гравюре — лишенный каких-либо атрибутов огромный зубастый медведь с льющейся из пасти кровью.

Переходный этап, когда облик русского воина (именно его, а не внешность крестьянина, купца или дворянина европейцы

[11] *Duffy M.* The Englishman and the Foreigner (The English Satirical Print 1600—1832). Cambridge, 1986. P. 42.

Илл. 5

усвоили ранее всего), пусть и через портреты императора, стал постепенно входить в поле зрения рядовых англичан, иллюстрируют две версии гравюры 1803 года «Бруин становится посредником» (илл. 6, 7). Если на одном листе русский медведь, олицетворяющий Александра I, изображен в абстрактном «царском» одеянии — соболиной мантии и императорской короне, то на другом он — в более соответствующем реальности военном обмундировании: треуголке, лосинах и мундире с Андреевской лентой через плечо.

Наконец, первым случаем более или менее правдоподобного показа обмундирования на русском медведе является гравюра Чарльза Уильямса «Битва при Пул-Таске» (1807 г.), апеллирующая к событиям декабря 1806 года, когда в битве при Пултуске русская армия под командованием Беннигсена сошлась с войсками Наполеона (результат был ничейным, но обе стороны заявляли о победе). В то время к действиям русской армии было приковано большое внимание, поскольку с ними связывалась надежда на долгожданное поражение Наполеона. Этим, а также тем, что битвы военных кампаний 1803—1807 годов происходили в самом сердце Европы — на территории Польши и Пруссии, можно объяснить бóльшую осведомленность англичан в изображении русского воинства.

I wonder you Intelligent fellow could not agree upon matters without reference to me whom you have ridiculed as a Barbarian — but I suppose you think I must have more sense
Will Nappy if you will leave off your Breeches & not think of skipping over to Egypt. & if you will promise not to keep that Toy to Harrison I will be reconciled
I promise on the faith of a Barbarian (which is as good as any Britons) to let you grease quietly in the Malta Bacon, and to love you with all my heart as much as I do the Liberty of the French Nation

Илл. 6

I wonder you intelligent fellow could not agree upon matters without reference to me whom you have ridiculed as a Barbarian — but I suppose you think I must have more sense
Will Nappy if you will leave off your Breeches & not think of skipping over to Egypt. & if you will promise not to keep that Toy to Harrison I will be reconciled
I promise on the faith of a Barbarian (which is as good as any Britons) to let you grease quietly in the Malta Bacon, and to love you with all my heart as much as I do the Liberty of the French Nation

Илл. 7

Последний этап эволюции образа русского военного связан с эпохой Отечественной войны 1812 года. Именно в это время в европейский обиход входит образ казака — дикого, жестокого и грозного воина; его часто можно видеть на французских, немецких и английских гравюрах 1812—1815 годов (причем не только сатирического содержания). Постепенно именно казак стал в европейском сознании стереотипным русским воином (да и типичным русским вообще), хотя изображения лишенного какой-либо амуниции медведя с ружьем, успев укорениться в европейском сознании, также продолжали существовать.

Довольно рано казак появляется в компании с русским медведем: на первом плане листа 1812 года «Джек Фрост атакует Бони в России» медведь везет на своей спине Джека Фроста — персонификацию знаменитого русского мороза, а на заднем плане виднеется группа усатых казаков в меховых шапках и на коньках.

Со временем эти два хрестоматийных образа России, сходные по приписываемым им качествам, объединились: русского медведя все чаще стали изображать в казацком костюме или с казацкой пикой[12]. Близость этих фигур в европейском сознании кратко и эффектно сформулирована во французской поговорке «Поскребите русского — и вы обнаружите казака; поскребите казака — обнаружите медведя»[13].

Первой и одной из самых выразительных среди известных нам гравюр с медведем-казаком является лист Уильяма Хита «Высадка Великого Медведя, или Мусульмане в затруднительном положении» (1828 г., илл. 8), посвященный событиям русско-турецкой войны 1828—1829 годов (казачьи части действительно принимали в ней участие).

Отметим также, что и в роли военного русский медведь оказывался в подчиненном состоянии: в большинстве гравюр он изображался рядовым, хотя военачальник на том же листе мог

---

[12] См. наблюдения в книге: *Россомахин А., Хрусталев Д.* Польская диета Русского Медведя. СПб., 2009. С. 82—83.

[13] «Grattez le Russe, vous trouverez le Cosaque; grattez le Cosaque, vous trouverez l'ours» (*франц.*). Эта поговорка встречается в различных модификациях: «Поскребите русского — обнаружите варвара/татарина» и т.п. Существовали многочисленные иные варианты («Поскребите хвастуна — обнаружите труса» и др.). Все они, как считается, восходят к древней поговорке: «Разбей зеркало — обнаружишь ханжу». Авторство пословицы про медведя приписывается некоему иностранному дипломату (возможно, Жозефу де Местру или принцу Шарлю де Линю). См. соотв. статью во французском словаре: *Ferrand Ch.* Dictionnaire des curieux complément pittoresque et original des divers dictionnaires. 1880.

Илл. 8

быть представлен в человеческом обличье; это еще раз подтверждает мысль о том, что популярность образа русского медведя отчасти обусловлена недостатком информации о русских. До англичан доходили имена, а иногда и портреты русских полководцев: Суворова, Кутузова, Беннигсена, Каменского, — и в карикатурах они никогда не изображались в виде медведей. Более того, в ряде случаев можно говорить о портретности их изображений. А русский солдат оставался для европейцев неведомым и пугающим медведем.

Отметим при этом, что трое последних названных военачальников появлялись в карикатуре в роли союзников Англии и только Суворов — в роли ее недруга. И только он — хотя его и не изображали медведем — дважды нарисован одетым в медвежью шкуру (илл. 9).

В то же время случаи изображения российских монархов в медвежьем обличье встречались довольно часто (около 15 листов). Чаще всего в виде медведя изображали Павла I, за краткое правление которого появилось сразу пять подобных гравюр. За ним следуют Николай I (4 листа)[14] и Александр I (3 листа). Дважды медведицей была выставлена Екатерина II и один раз — великий князь Константин Павлович.

[14] Речь идет только о гравюрах, созданных на протяжении рассматриваемого нами периода, т.е. до 1836 года включительно.

Илл. 9

Стоит отметить, что русский медведь вообще довольно часто изображался с короной на голове; как правило, это указывало на то, что в данной гравюре медведь — символ державы, а не просто лесное животное (наряду с медведем коронами «награждались», например, прусский орел, французский петух и шведская свинья).

Любопытно, что в способе «омедвеживания» того или иного правителя прослеживаются определенные закономерности, которые могли быть обусловлены и отношением к изображаемому персонажу, и эволюцией изобразительного языка карикатуры.

Так, медведь с человеческой головой изображен только на трех ранних карикатурах: на двух листах с участием Екатерины II и на одном — с участием Павла.

Изображение медведя как зверя без каких-либо человеческих примет, отождествить которого с конкретной личностью можно только по подписи, встречается в трех листах, посвященных Павлу I[15], и единственном листе, посвященном великому князю Константину Павловичу.

---

[15] Еще один лист носит переходный характер: на нем Павел изображен в виде медведя, но медвежьей морде придано сходство с лицом монарха. Репродукции и анализ всех гравюр, изображавших Павла I в виде медведя, см. в: *Россомахин А., Хрусталев Д.* Гамбургский счет императора Павла (в печати).

Александр I и Николай I всегда (за единственным исключением[16]) изображались в виде медведя в императорской одежде (как правило, военном мундире), но без каких-либо других указаний на личность монарха.

На семи гравюрах медведь представлен в качестве геральдического российского животного (или альтернативного герба России). Изображение медведя активно использовалось в российской геральдике, однако в данном случае выбор его обусловлен, по-видимому, тем, что двуглавый орел был также гербом Австрии (а одноглавый — Пруссии). Россия поздно вошла в «семью европейских народов» — геральдические орлы уже прочно ассоциировались с немецкими землями, и представляется, что во избежание путаницы за Россией оставили более узнаваемого медведя. В результате сложилась уникальная ситуация: в виде геральдического животного страны в гравюре (пусть даже сатирической) изображался зверь, в самой стране национальным символом не считающийся.

Нам известны восемь листов с изображением белого русского медведя. Выделить гравюры этого типа проблематично, поскольку цвет зависел от раскраски листа, выполняемой, как правило, не самим гравером, а подмастерьями. Так, например, у трех (из четырех) гравюр Джеймса Гиллрея, на которых присутствует белый русский медведь, нам известны экземпляры, где он представлен бурым. Тем не менее, даже если в некоторых случаях белый цвет шкуры русского медведя является «интерпретацией» раскрасчика, с ней тоже стоит считаться.

Изображение белого медведя связано с представлением о России как о северной стране. Вообще образ медведя (особенно белого) связывался с севером — неслучайно в виде медведей изображались также Швеция, Норвегия и Дания (см., например, лист Уильямса 1801 года «Северных медведей учат танцевать»). Эта ассоциация имеет древние корни. Так, на голландской гравюре Ромейна де Хооге «Ассамблея держав во дворце Льва» 1700 года (титульный лист к одной из басен в книге «Эзоп в Европе») в виде медведя представлена Швеция. Кроме того, изображение медведя на картах XVI—XVII веков маркировало не только Россию, но многие другие северные земли.

С другой стороны, белые медведи и их шкуры были ценным товаром и активно экспортировались из России. Сигизмунд Герберштейн в своих «Записках о Московии» упоминает о несколь-

[16] Любопытное и редкое изображение Николая I в виде своеобразного медведя-оборотня.

ких купленных им шкурах белого медведя и об одной полученной в качестве дипломатического подарка от русского царя[17].

Белые медведи всегда оставались для европейцев экзотикой, поэтому их изображения подчеркивали чуждость России для Европы. Любопытно, что тип белого русского медведя позже получил значительно более широкое распространение во французской карикатуре. Более того, первым абсолютно достоверным изображением такого медведя является ранняя литография Оноре Домье 1832 года «Лондонская конференция» (илл. 10). Очевидно, образ России как северной страны был для французов более актуальным, возможно потому, что в самой Франции климат теплее английского. Позволим себе также высказать предположение, что причиной могли послужить слишком хорошо знакомые французам русские морозы.

Следующий тип связан с уподоблением русского медведя созвездию Большой Медведицы (лат. Ursa major; см. илл. 11). На протяжении рассматриваемого периода оно встречается всего на трех листах, однако может иметь под собой более глубокое основание, нежели простое созвучие, и даже относиться к происхождению всей «медвежьей» метафоры. Дело в том, что если наложить сферическую карту звездного неба на глобус, совместив Полярную звезду с Северным полюсом, то координаты созвездия Большой Медведицы (широта, долгота) совпадут с координатами России на обычном земном глобусе.

С глубокой древности карта неба и карта Земли сопоставлялись друг с другом (неслучайно, например, координаты хребта Тавр в южной Турции соответствуют расположению созвездия Тельца — лат. Taurus — на глобусе звездного неба). Поэтому и совпадение Большой Медведицы с Россией, вероятно, не прошло незамеченным и могло стать еще одной причиной ее устойчивой ассоциации с медведем.

Таким образом, можно заключить, что, изображая русского медведя, англичане отталкивались от окружающей их повседневной действительности. Чаще всего они показывали его в той же обстановке, в какой могли видеть в обыденной жизни — во время медвежьей травли, ярмарочной «медвежьей потехи» или в зверинце. Иногда обыгрывались присутствующие в быту медвежий жир и мех, созвездие Большой Медведицы, а также английские фразеологизмы, такие как «Bear and ragged staff».

Образ медведя был универсальным «заменителем» России, в зависимости от контекста означавшим ее дикость, кровожадность,

[17] *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 156—157, 225.

Илл. 10

Илл. 11

мощь, порабощенность или глупость. Его широкое использование (пожалуй, более активное, чем использование других животных — национальных символов, таких как британский лев или французский петух) косвенно указывает на незнание англичанами подлинной российской действительности.

После описываемого нами времени и вплоть до наших дней образ русского медведя продолжает активно использоваться в европейской культуре, однако можно с уверенностью утверждать, что своим закреплением в сознании европейцев он обязан именно английским карикатуристам «золотого века».

Дмитрий Цыкалов

«РУССКИЙ МЕДВЕДЬ» В ЕВРОПЕЙСКОЙ КАРИКАТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

Как вид изобразительного искусства сатирическая графика ведет родословную с глубокой древности. Но то, что сегодня мы понимаем под «политической карикатурой», — продукт европейской культуры Нового времени и буржуазно-демократического общества. Прототипом современной политической карикатуры считаются сатирические гравюры, имевшие хождение в период Реформации XVI века. Термин «карикатура» (от итал. caricatura <caricare — «перегружать», «обременять», а также «преувеличивать», «усиливать», «сгущать») появился в Италии: в 1646 году его впервые употребил итальянский теоретик живописи Г.А. Мозини (G.A. Mosini). Если предметом античной сатирической графики служили главным образом физические недостатки, а средневековой — недостатки нравственные, то в Новое время карикатура становится средством характеристики отдельных личностей или социальных групп за счет преувеличения их существенных черт[1].

Карикатура привлекает публику своей шуткой, соленой остротой. Смех вызывают искажения, гротеск, причудливые трансформации, отождествление героя шаржа с образами зверей либо предметов. Через упрощение и негатив снижается пафос. По своей социальной злободневности карикатура близка к публицистике. Политики ценят ее как действенное средство убеждения. Но в отличие от печатного слова, сатирическая графика апеллирует в большей степени не к разуму, а к чувствам.

Особенно востребована карикатура в периоды внутренних потрясений и войн. Традиция, идущая от Вольтера, объясняет этот феномен тем, что смех, как сон и надежда, — необходимые «противовесы» многочисленным жизненным страданиям и невзгодам[2]. В условиях кризиса сатирическая графика становится средством достижения своеобразного «катарсиса», приглушающего чувство

---

[1] *Gombrich E., Kris E.* The Principles of Caricature // British Journal of Medical Psychology. Vol. 17. 1938. P. 319—342, http://www.gombrich.co.uk/showdoc.php?id=85.

[2] *Славенсон В.* Милитарная карикатура // Русская мысль. 1916. № 6. С. 26—31.

страха, снимающего напряжение. Конечно, известна карикатура, которая не ставит цели рассмешить зрителя. Как замечал французский искусствовед Роберт де ля Сизеран, в лучших своих проявлениях карикатура выражает «жестокую, а не смешную истину»[3]. Однако рисунки Ж. Калло и Ф. Гойи являются скорее исключением. Карикатуристы редко критикуют ужасы войны или промахи своих полководцев; типичная роль карикатуры во время, когда поют пушки, иная. Она становится частью сложного пропагандистского ритуала, играет роль «красочного» ликбеза по геополитике, объясняя массам происходящее. Главной ее мишенью является противник, борьба с которым разворачивается на информационном поле. Задача пропагандистского действа заключается в унижении врага, в символическом ослаблении вражеской силы. Карикатура здесь, как и плакат, толкает зрителя к действию. Слабый и комичный образ врага, творимый карикатуристами, призван поддерживать уверенность в неизбежной победе. Наряду с образом врага карикатура формирует национальную идентичность. Образ «своего» в таком произведении представляет полную антитезу «чужому», отношения между «своим» и «чужим» упрощаются до архетипа «добро»/«зло».

Вторую половину XIX — начало XX века можно рассматривать как самостоятельный этап в истории внешнеполитической и военной карикатуры. Это период, когда в Европе большой популярностью пользуются иллюстрированные сатирические журналы («Карикатура», «Шаривари», «Панч», «Фан», «Симплициссимус», «Кикерики», «Сатирикон» и др.), возникает газетная карикатура. Редакторы охотно ставят сатирическую графику на первые полосы своих изданий. Карикатура помогает поднять тираж, она значительно экономит время читателя, который получает представление о сути дела буквально за несколько секунд, не утруждая себя чтением газетных колонок. Новый ритм работы делает стиль карикатуры более лаконичным.

С другой стороны, в это время все большее влияние на принятие внешнеполитических решений начинает оказывать общественное мнение. Европейская карикатура изображала международные отношения как дружбу или вражду вымышленных и реальных зооморфных и антропоморфных персонажей, символизирующих различные страны и народы. Американские исследователи А. Морис и Ф. Купер считают, что с помощью карикатуры история XX века может быть показана как «летопись гротескной семьи странных четвероногих и не менее причудливых двуногих существ, попарно шагающих по страницам сатирических изданий, будто по палубе этакого Ноева ковчега: Британия и британский лев, Колумбия и

[3] Вестник Европы. 1902. Т. 5. С. 403—405.

дядюшка Сэм, Индия и бенгальский тигр, французская Свобода и имперский орел». Что касается России, то ее историю, утверждают они, символизирует медведь[4].

Карикатурные образы, возникшие во время конфликтов прошлого, до сих пор лежат в основе многих представлений европейцев друг о друге. Изображение наций как субъектов истории в виде сверхличностей или животных, гиперболизация в этих образах отдельных черт национального характера, использование в карикатуре сюжетов известных мифов, эпосов и басен и т.д. способствуют мифологизации массовых внешнеполитических представлений, превращению их в негативные стереотипы, чрезвычайно устойчивые, мало подверженные воздействию со стороны интеграционных и глобализационных процессов. Изучение такого источника, как карикатура, позволяет пролить свет на истоки и предназначение этих зачастую препятствующих взаимопониманию между народами образов.

Медведь — один из доминантных символов России в «низкой» геополитике[5]. Будучи (наряду с такими матричными символами, как «казак», «царь», «двуглавый орел», «зима») фиксированной точкой в системе представлений европейцев о России, «медведь» многозначен. Его смысл раскрывается зрителю постепенно, от сюжета к сюжету. И только рассмотрев их «полный круг», можно понять содержание этого символа в целом.

I. «Медвежьи объятия»

9 апреля 1853 года в лондонском сатирическом журнале «Панч» была опубликована карикатура Джона Тенниела «Турция в опасности»[6]. Рисунок изображал русского императора Николая I в образе коронованного медведя, который заламывает шею похищенному из птичника больному индюку в османской феске (в английском языке слово «turkey» значит как «Турция», так и «индюк» и «неудача»).

Сатира отражает отношение английской общественности к Восточному кризису, итогом которого стала Крымская война. Кризис начался годом ранее со спора католиков с православными о святых местах. Конфликт затрагивал интересы трех великих дер-

[4] *Maurice A., Cooper F.* The history of the nineteenth century in caricature. N.Y., 1904. P. 188.

[5] О происхождении образа см.: *Россомахин А., Хрусталев Д.* Русская Медведица, или Политика и похабство. СПб, 2007.

[6] *Vaver A.T.* Crimean War in the French and British satirical press. Brandeis University. 2006; http://lts.brandeis.edu/research/archives-speccoll/exhibits/crimeanwar/Intro.html.

Илл. 1

жав: защитницы интересов православных — России, покровительствовавшей латинянам Франции и владевшей Палестиной Османской империи.

Николай I считал одной из причин возникновения проблемы слабость Турции, «больного человека Европы», полагая, что распад Османской империи — вопрос времени. В разразившемся конфликте царь рассчитывал склонить на свою сторону англичан.

Казалось, для этого есть все условия. Английский кабинет министров возглавлял выступавший за сотрудничество с Россией лорд Абердин, а в парламенте велико было влияние пацифистов. 28 декабря 1852 года (9 января 1853 года по н.ст.) на вечере у великой княгини Елены Павловны в Михайловском дворце между русским императором и посланником Великобритании сэром Гамильтоном Сеймуром состоялся разговор о делах на юго-востоке Европы и о судьбе наследства «больного». «Я хочу говорить с вами как друг и как джентльмен, — сказал Николай. — Если нам удастся прийти к соглашению — мне и Англии, — остальное мне неважно, мне безразлично то, что делают или сделают другие». Он заявил, что не допустит водворения Англии в Константинополе. Не получат город французы и греки. «Может случиться, что обстоятельства принудят занять меня Константинополь», но «я... расположен принять обязательства не водворяться там, разумеется, в качестве собственника; в качестве временного охранителя — другое дело». Валахию и Молдавию, а также Сербию и Болгарию царь предлагал привести под протекторат России. Англичанам по его плану должны были отойти Египет и Крит[7].

Реакция Лондона на предложение Николая была отрицательной, царь ошибся в оценке позиции Англии, оказавшейся более сложной. Решающую роль в определении внешнеполитического курса, как оказалось, играл не Абердин, а министр внутренних дел Генри Дж. Пальмерстон, сторонник жесткой линии в отношении Петербурга. Его соратник, глава МИДа Джон Рассел, заявил, что британское правительство не считает, будто Турции угрожает распад, а потому заключать соглашение о разделе ее наследства не намеревается. В письме в вежливой форме выражалось несогласие с русским императором практически по всем пунктам. Однако язык письма был настолько округлым и обтекаемым, что Николай не воспринял его как отказ. По крайней мере, полагал царь, в спор о святых местах Англия вмешиваться уж точно не будет. Как раз в начале 1853 года султанский посланник объявил в Иерусалиме о распределении священных реликвий. При этом явное предпочтение отдавалось латинянам, находившимся под покровительством французов. Русский император увидел (и не без оснований) за этим указом султана Абдул-Меджида козни Наполеона III и решил преподать суровый урок туркам. В феврале 1853 года в Константинополь было отправлено чрезвычайное посольство во главе с Александром Сергеевичем Меньшиковым. Цель миссии — решить затянувшийся спор на Востоке в пользу России. Русский посланник передал султанскому министру ноту с требованием признать

[7] История внешней политики России. Первая половина XIX века. М., 1995. С. 368.

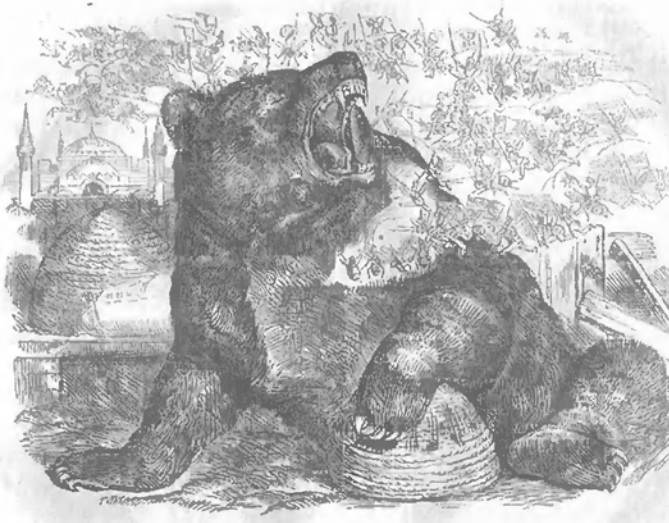
права греческой церкви на святые места в Палестине и предоставить России протекцию над 12 миллионами христиан в Османской империи, составлявшими около трети всего османского населения. В случае исполнения ноты Петербург получал право вмешиваться во внутренние дела Османской империи. Над турецким султаном нависла угроза попасть в полную зависимость от русского императора. Ни в планы французов, ни в планы англичан это не входило. В марте в Эгейское море вошла французская эскадра. А 5 апреля из Англии на помощь Турции в Константинополь прибыл дипломат Ч. Стрэтфорд-Каннинг. Узнав о содержании проекта русско-турецкой конвенции, он передал его в Лондон, предварительно исказив некоторые формулировки. В редакции Стрэтфорда договор приобретал дерзкий, повелительный и агрессивный со стороны России характер. О царской ноте немедленно стало известно лондонским журналистам. Английские газеты объявили, что русский император хочет распоряжаться судьбами 12-миллионного православного населения Османской империи[8].

Изображая Россию в образе медведя, Тенниел передает свое отношение к ситуации: турецкий султан в «медвежьих объятиях» русского царя. Карикатурист, скорее всего, смеялся не только над «медвежьими аппетитами» Николая I, но и над теми английскими политиками, кто все еще сомневался в необходимости решительных действиях против России. Медведь здесь сильный, агрессивный, прожорливый. Он совсем не по-джентльменски добивает больную, слабую птицу. Не исключено, что карикатурист иронизирует также над геополитическими последствиями конфликта, уподобляя позы и части тела животных политической карте (ср. карту Османской империи XVI—XVII веков). Шея турецкой индейки — возможно, аллегория черноморских проливов, на которые нацелился северный сосед. Контроль над проливами и Константинополем буквально перекрывали османской индейке кислород, Россия получала выход в Средиземное море. Медвежьи запястье и локоть — западное Причерноморье и Балканы, которые могут отойти под протекторат России. Своей широкой спиной русский медведь закрывает от Европы Ближний Восток.

II. «Мед и пчелы»

Султан Абдул-Меджид при поддержке англичан русский ультиматум не принял. Он попытался умиротворить Николая I, издав

[8] История внешней политики России. Указ. соч. С. 374.



THE BEAR AND THE BEES.—A NEW VERSION OF AN OLD STORY.

Илл. 2

закон, гарантировавший права православных подданных своей империи, но заключать с российским императором соглашение о протекции отказался. Договориться не получилось. 1 июня 1853 года Россия разорвала дипломатические отношения с Турцией. А 21 июля 1853 года без объявления войны русская армия форсировала реку Прут и стала продвигаться в Дунайские княжества — Молдавию и Валахию. В Лондоне тоже не сидели сложа руки: английское правительство приказало своей средиземноморской эскадре идти в Эгейское море. Очередная карикатура Тенниела на Восточный кризис 16 июля 1853 года изображает «новую версию старой истории» — «Медведь и пчелы»[9]. Медведь по праву сильного требует от пчел отдать ему излишки меда, угрожая в противном случае разорить улей. Но пчелы сообща нападают на медведя. В версии Тенниела роль пчел играют англичане, турки и французы. Они вылетели из похожей на улей мечети и злобно жалят русского медведя, грозно рычащего на фоне куполов и минаретов константинопольской Айя-Софии. Любовь к сладкому — слабость, которая может сыграть с медведем злую шутку. Мелкие, но многочисленные и назойливые насекомые бьют большого, воровато-го и неуклюжего зверя.

[9] *Vaver A.T.* Op. cit.

III. «Хозяин»

В марте 1854 года Англия и Франция, заключив договор с Турцией, объявили России войну. В апреле 1854 года парижский сатирический журнал «Шаривари» публикует карикатуру Оноре Домье «Северный медведь, самый неприятный из всех медведей»[10]. Художник изображает военного врага французов в образе гигантского белого медведя (если английские карикатуристы обычно изображают Россию в виде бурого медведя, то французские — в виде белого).

Домье был очень популярным и влиятельным французским карикатуристом. Известный тем, что ненавидел монархическую форму правления, он вместе со своими товарищами по журналам «Карикатура» и «Шаривари» вдохновлял французов на борьбу с королем Луи Филиппом, свергнутым революцией 1848 года[11]. Но провозглашенная после этой революции Вторая республика долго не просуществовала, трансформировавшись вскоре в авторитарный режим. В 1852 году президент Луи Наполеон Бонапарт провозгласил себя императором под именем Наполеона III. Войной против Николая I французский император пытался не только решить внешнеполитические задачи, но и сгладить внутриполитические противоречия: «несколько умиротворить оппозицию, загнанную в подполье, в эмиграцию и в ссылку»[12]. По мнению историка Е.В. Тарле, «ненависть к Николаю, столпу всемирной реакции, была так сильна, что во Франции и Англии не могло быть в тот момент более популярной войны, чем война против царского правительства»[13]. В самом деле, какого же еще отношения можно было ждать к «жандарму Европы» и «душителю революций»! Кроме того, многие французы поддерживали идею реванша после поражения в Наполеоновских войнах[14]. О настроениях среди французской интеллигенции как раз и свидетельствует карикатура Домье[15]. Начавшаяся война против самодержавной и крепостнической России вдохновила художника на серию антирусских ри-

---

[10] *Vaver A.T.* Op. cit.

[11] Подробнее см.: *Maurice A., Cooper F.* The history of the nineteenth century in caricature. P. 73—97.

[12] «История дипломатии» XV век до н.э. — 1940 год н.э. М., 1941—1945. Электронная версия одноименной книги под редакцией В.П. Потемкина: http://www.diphis.ru/index.php?option=content&task=view&id=91"5.

[13] Там же.

[14] *Соловьев С.М.* Восточный вопрос. М., 2003. С. 313.

[15] Еще один пример антирусских настроений — альбом карикатур Г. Доре «История святой России», созданный в 1854 году. См. об этом: *Лазари А. де, Рябов О.В.* Русские и поляки глазами друг друга. Иваново, 2007. С. 27.

Илл. 3

сунков. Карикатура с медведем посвящена, очевидно, Николаю I. Карикатурист демонизирует «хозяина» русского леса, наделяя его темной природой; он рисует его в сумерках и со спины. Медведь у Домье — ночной зверь. Он триумфально стоит на задних лапах и больше похож даже не на медведя, а на собаку. В передних лапах монстра — меч и факел. Художник видит русского царя восточным деспотом, т.е. монархом неевропейского типа. Перед тираном в короне, напоминающей мусульманский тюрбан, стоят на коленях его подданные, рабы, которые покорно ждут его приказов.

Замечу, что мотивы русской «азиатчины» во французской карикатуре XIX века не редкость. Яркий пример — сатира художников Ж.Ж. Гранвиля и Э. Форе, соратников Домье по журналу

«Карикатура», на террор, устроенный российскими властями после подавления польского восстания 1831 года. На карикатуре под названием «Порядок царствует в Варшаве» Россия изображена в виде свирепого казака на фоне виселиц и растерзанных трупов[16]. Также имеет французское происхождение и относится к тому же периоду известный образ России как «тюрьмы народов». Его автор — роялист маркиз Астольф де Кюстин, писатель и путешественник, посетивший Россию в 1839 году. В своей книге «La Russie en 1839» (в русском переводе «Николаевская Россия») Кюстин писал: «Сколь ни необъятна эта империя, она не что иное, как тюрьма, ключ от которой хранится у императора». Ну а Николая I, имея в виду его статус «европейского жандарма», француз назвал «тюремщиком одной трети земного шара»[17].

IV. «Берлога»

На сатирическом рисунке «Окружили медведя» («Панч», 1855) четыре союзника (к англо-турецко-французскому союзу присоединилось Сардинское княжество) штыками отправляют свирепого косолапого с царской короной и николаевскими ботфортами в берлогу, напоминающую туземную пещеру[18]. Карикатура Тенниела иллюстрирует победу союзников над Россией, одновременно являясь, на мой взгляд, визуализацией одной известной политической метафоры. Речь идет о высказывании Карла XII, сделанном после победы над Петром I под Нарвой: «Я загнал русского медведя в его берлогу!» Данная метафора встречается и в современном дискурсе, в рассуждениях о «новой холодной войне», развязанной Западом, о стремлении сдержать влияние России, главным образом на постсоветском пространстве.

Представляется, что в образах медведя и берлоги открывается ключевая мифологема европейского восприятия русского пространства: «слишком» дремучее, темное и холодное[19]. В мифе про-

---

[16] *Калитина Н.Н.* Политическая карикатура Франции 30-х годов XIX столетия. Л., 1955.

[17] *Кюстин А де.* Николаевская Россия. М., 1990.

[18] *Fuchs E.* Der Weltkrieg in der Karikatur. Band 1: Bis zum Vorabend des Krieges. München: Langen, 1916. Цит. по: *Ливен Д.* Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М., 2007.

[19] «Душа» антирусской коалиции Генри Пальмерстон вынашивал накануне Крымской войны широкие планы расчленения России. Аландские острова и Финляндия должны быть возвращены Швеции; Прибалтика — отойти к Пруссии; королевство Польское — восстановлено как барьер между Россией и Германией; Молдавия и Валахия и все устье Дуная — отойти к Австрии; Крым

Илл. 4

странство качественно неоднородно, иерархично, ограничено, оно может быть «хорошим» и «плохим». «Хорошее» — место обитания родного коллектива, прибежище сил «космоса и порядка». Высшей ценностью обладает центр. По мере продвижения к периферии «своего» пространства сакральная сила ослабевает. За границей лежит «хаос» или «антимир». Живущий в царстве хаоса — не совсем человек, «чужой», потенциальный враг. «Образ врага», имитация «осадного положения» являются инструментом, который используют правительства — независимо от того, авторитарные они или демократические — для мобилизации масс. За счет противопоставления общности неким чуждым силам обеспечивается психологическое единство людей[20]. Нападение на «наш» мир воспринимается как восстание сил «хаоса» против творения богов — «космоса». При этом любую войну мифологическое мышление наделяет сакральным характером[21].

V. «Клетка»

Призыв «загнать русского медведя в берлогу» есть, по сути, лозунг «священной войны» сил европейского «космоса» против

и Кавказ — отобраны у России и отданы Турции, причем часть Кавказа, которую Пальмерстон называл «Черкессией», должна образовать отдельное государство, находящееся в вассальной зависимости от турецкого султана. См.: «История дипломатии».

[20] *Вейнберг И.П.* Человек в культуре древнего Ближнего Востока. М., 1986. С. 135.

[21] *Элиаде М.* Священное и мирское. М., 1994. С. 28.

Илл. 5

русского «хаоса». Но даже серьезно битый медведь может быть опасен. Все-таки берлога для медведя естественное место обитания. Отлежится, лапу пососет — и опять «куролесить». Проблема контроля над русским медведем есть поэтому проблема внутреннего европейского самочувствия. Англичане иногда сравнивали Россию даже не с медведем, а с «огромным многоклеточным беспозвоночным животным, которое можно ранить, но которое невозможно уничтожить»[22]. Если Россию нельзя завоевать, то следует хотя бы ограничить ее влияние на европейские дела, например через систему невыгодных для нее международных соглашений.

Что касается сатирической графики, то европейские карикатуристы показывают: приручить медведя можно. Способы дрессуры — сахар, цепь и клетка. Последовавший после Крымской войны Парижский мир 1856 года оставлял Россию без сладкого и запирал ее в клетку, делая южные границы империи фактически

[22] *Мартынов А.С.* Современные настроения в Англии // Современник. 1915. № 10. С. 282—287. Долгое время в Лондоне считали, что интересы России и Великобритании прямо противоположны, и видели в Российской империи единственного «естественного врага» в Европе. Особенно английских политиков пугала перспектива расширения России на Запад, которое могло, по их мнению, произойти в результате континентальной войны. Об этом см., например: The Peace of Europe // New York Times. September 25, 1891.

незащищенными. Алексей Горчаков, занявший пост министра иностранных дел при Александре II, в циркуляре российским послам в европейских столицах сформулировал основной принцип нового внешнеполитического курса следующим образом: «Россию упрекают в том, что она изолируется и молчит. Говорят, что Россия дуется. Россия не дуется, она собирается с силами». Это означало, что Россия отныне будет избегать военных коалиций и конфликтов в Европе. Своей главной задачей Горчаков видел отмену противоречившего интересам державы Парижского трактата[23].

Чтобы удержать зверя в клетке, требовались согласованные действия всей европейской охраны. Медведь животное сильное. За ним глаз да глаз. Между тем Европа после Крымской войны бурлила и была далека от единства. Горчаков умело использовал европейские противоречия, чтобы аннулировать невыгодные статьи Парижского трактата. Благоприятный случай представился в 1870 году. Разразилась франко-прусская война. В то время как два повздоривших охранника пытались друг друга утихомирить, русский медведь сломал железные прутья, выбрался из клетки и растерзал дряхлого бедняжку турка. Так проиллюстрировал выход России из изоляции и отмену статей Парижского мира австрийский сатирический журнал «Кикерики»[24]. 31 октября 1870 года Горчаков, перечислив нарушения Парижского договора другими странами, заявил, что Россия больше не будет признавать те его статьи, которые ограничивают ее права на Черном море.

VI. «Флирт»

Большую роль в мифах, связанных с медведем, играют женские персонажи. В таких сюжетах медведь гиперсексуален. В аллегориях он символически замещает любовника. Для девушки медведь может представлять угрозу («Маша и медведь»); вместе с тем нередко он выступает как романтическая фигура («Обыкновенное чудо»). Присутствие в европейской карикатуре женских персонажей в сюжетах, посвященных «русскому медведю», делает медвежий характер более сложным.

31 октября 1891 года в «Панче» появилась карикатура Тенниела[25]. Под руку со статными военными — императорами Германии и Австро-Венгрии Вильгельмом II и Францем Иосифом — по

[23] История международных отношений и внешней политики России 1648—2000. М., 2003. С. 113.

[24] *Fuchs E.* Op. cit.

[25] Punch, or The London Charivari. Vol. 101. October 31, 1891. P. 210—211.

Илл. 6

европейскому лесу чинно прогуливается девушка в крестьянской одежде — это Италия. За спинами ничего не подозревающих кавалеров стоит одетый в военный мундир и сапоги русский медведь. «Тсс, — шепчет итальянке косолапый, — я хочу поговорить с тобой, моя дорогая». Карикатура посвящена встрече премьер-министра Италии Антонио де Рудини и главы российского МИДа Николая Гирса, состоявшейся в городе Монце, старинной резиденции ломбардских королей, примерно за две недели до панчевской публикации.

1891 год для международных отношений оказался богат на события; в европейской политике завершалась целая эпоха. Июльский визит французской эскадры в Кронштадт засвидетельствовал оформление военного союза России и Франции. Соотношение сил, сложившееся в Европе после франко-прусской войны, изменилось. Теперь ход дел на континенте определялся противостоянием двух блоков: Франция и Россия против Германии, Австро-Венгрии и Италии. За месяц до Кронштадта, в июне, европейская печать известила о продлении Тройственного союза, к которому в тот момент также тяготела и Англия.

Среди этих эпохальных событий встреча в Монце занимает скромное место, но достаточно ярко иллюстрирует тогдашнюю европейскую политику. Шла борьба за передел мира. Все великие державы переживали экономический рост и старались сохранить на континенте мир, предпочитая выяснять отношения за пределами Европы. Блоки выступали сдерживающим фактором. Но равновесие не было устойчивым — неслучайно Тенниел изображает

действующих лиц в военной форме. Мир был вооруженным. «Штатский» же образ Италии на карикатуре содержит и намек на то, что эта страна являлась «слабым звеном» в Тройственном союзе. Военный бюджет слишком дорого обходился итальянцам, хотя новая редакция продленного в июне 1891 года Тройственного союза была им выгодна: Берлин и Вена брали на себя часть военных расходов[26]. Тем не менее возможная «неверность» Италии сильно беспокоила немцев. Одна из причин этой тревоги состояла в том, что на протяжении всего 1891 года большую активность на итальянском направлении проявляла русская дипломатия. В Петербурге большие надежды возлагали на нового премьер-министра маркиза Антонио де Рудини. Он возглавил правительство в феврале и выступал за улучшение отношений с Францией и Россией. Впрочем, Рудини не считал хорошие отношения с этими странами поводом для выхода из Тройственного союза и стремился расширить альянс с центральноевропейскими державами.

Известие о продлении Тройственного союза не обескуражило Петербург, полагавший, что русская политика сближения с Римом не только оторвет Италию от Германии и Австро-Венгрии, но и одновременно будет означать ее отдаление от Англии. Карикатура Тенниела — свидетельство того, как ревниво наблюдали в Лондоне за русско-итальянским флиртом. Англичане дорожили дружбой с Италией, считая ее ключом к Тройственному союзу. Русских же, напротив, представляли единственными «естественными врагами» на континенте. И Тенниел четко расставляет акценты — в его сатире только Россия явлена в зверином обличье.

Встреча в Монце вызвала в Лондоне приступ паранойи. Так, газета «Стандарт» приписала русскому министру иностранных дел Николаю Гирсу намерение отвлечь Италию от Тройственного союза и попытку связать ее обещанием сохранять нейтралитет в случае осложнений на Востоке[27]. Страх перед коварным русским медведем, который, пользуясь своей «мужской» привлекательностью (равной, судя по Тенниелу, привлекательности двух немецких императоров, вместе взятых), может соблазнить итальянскую «простушку», как раз и выразил карикатурист.

К карикатуре прилагалась поэма, разоблачающая интриги бурого мишки Бруина. О дивидендах (в виде германских кредитов и льгот), полученных Италией в результате «заигрывания» с враждебными альянсу странами, — ни слова. Вся вина за «погубленную репутацию честной женщины» возложена исключительно на

[26] *Серова О.В.* От Тройственного союза к Антанте (Итальянская внешняя политика и дипломатия в конце XIX — начале XX века). М., 1983.

[27] Там же.

медведя. Между тем «Панч» не упустил случая посмеяться над излишне подозрительными соотечественниками, назвав карикатуру «Блеф!» («Trying It On!»).

VII. «В постели с медведем». Роман

Уж кто-кто, а англичане хорошо разбирались в особенностях дипломатического флирта. О чем, конечно, прекрасно знали их соседи. Под маской блюстителя европейской нравственности прятался изощренный интриган. Вот что писала в 1892 году о сущности английской политики французская «Фигаро»: «Англичане всегда поддерживают “дружественные” отношения и одновременно частенько искусно используют сентиментальность и наивность других стран в интересах своей маленькой национальной игры»[28].

Францию свободная любовь не интересовала. Чтобы восстановить свое влияние в Европе после проигранной немцам войны, ей был нужен серьезный партнер.

18 ноября 1893 года газета «Солей» поместила пикантную карикатуру Адольфа Вилле (Adolphe Willette) на русско-французский союз[29]. Марианна (из одежды на ней только фригийский колпак) в постели обнимает белого пушистого медведя. Перины напоминают снежные сугробы, балдахин с ликторским пучком и двуглавым орлом (геральдика Франции и России) — кочевую кибитку. В преддверии холодов темноволосая француженка (есть мнение, что Марианна на этом рисунке похожа на журналистку Жюльет Адан, активно пропагандировавшую союз с Россией) спрашивает русского медведя: «Скажи-ка, дорогуша: я отдам тебе сердце, но получу ли я твою шубку зимой?»

Сатирический рисунок явился откликом на ратификацию военной конвенции в 1893 году, ставшую финальным аккордом продолжавшихся несколько лет переговоров. В 1891-м между Россией и Францией было заключено соглашение о том, что, если одно из государств окажется под угрозой нападения, они немедленно договорятся о принятии необходимых мер. Тогда же партнеры решили подготовить военную конвенцию. Но прошел год, а конвенция не была согласована. Александр III считал, что дальнейшие

---

[28] Le Figaro. 14.07.1892. Цит. по: *Рыбаченок И.С.* Россия и Франция: союз интересов и союз сердец. 1891—1897. Русско-французский союз в дипломатических документах, фотографиях, рисунках, карикатурах, стихах, тостах и меню. М., 2004. (Перевод статьи сделан М.В. Рядинской. — *Д.Ц.*)

[29] *Рыбаченок И.С.* Смеяться вовсе не грешно над тем, что кажется смешно // Родина. 2007. № 10. С. 60.

Илл. 7

шаги нужно делать очень осторожно. Французы, напротив, торопились. В июле 1892 года в «Фигаро» появилась инспирированная французским МИДом статья под весьма многозначительным заголовком «Союз или флирт?»[30]. «Будут ли две державы и дальше флиртовать друг с другом», ограничиваясь туманными «заверениями о взаимопомощи», или же их отношения перерастут в твердый союз? — вопрошала газета. Одновременно к русскому императору в Данию, где тот обычно отдыхал летом, из Парижа отправили эмиссара с предложением ускорить процесс. Рассказывают, что Александр III был весьма раздражен визитом незваного гостя: «Европа может и подождать, пока русский царь рыбачит», — был ответ. Тем не менее через месяц военная конвенция была подготовлена. В августе 1892 году Россия и Франция договорились о взаимопомощи в случае агрессии со стороны какого-либо государства, входившего в Тройственный союз. И вновь император проявил осторожность, отложив утверждение конвенции больше чем на год.

Прологом к ратификации стал дружественный визит русской эскадры во французский порт Тулон. Он состоялся в октябре 1893 года. Встреча русских моряков превратилась в феерический двухнедельный спектакль с шумными демонстрациями дружбы, щедрыми застольями и приемами. Францию захлестнула волна ру-

[30] Le Figaro. 14.07.1892.

софильства[31]. Выступая на банкете в честь русских воинов, писатель Мельхиор де Вогюэ напомнил, что «во Франции Россию долгое время представляли в образе казака, сидящего на глыбе льда, с понятием "Россия" ассоциировалось что-то очень далекое, очень холодное и очень темное». Теперь все изменилось, и хотя «Россия географически по-прежнему далека и зимой там по-прежнему холодно, темного там ничего нет... Образ России отныне запечатлен в сердце французского народа, и исторгнуть его оттуда никто не властен»[32]. В эти дни французская и европейская пресса нередко описывала франко-русские отношения в эротических образах. Многие газеты поместили рисунок французского художника Каран д'Аша «Разборчивая невеста». Марианна изображена на нем в виде барышни, отвергающей ухаживания австрийского дворянина, английского денди, турецкого паши, испанского кабальеро, итальянского сеньора, прусского юнкера, а затем бросающейся в объятия русского казака[33]. «Можно сказать, что Россия овладела Францией», — писала газета «Солей»[34]. Карикатура «Марианна и северный медведь», как и положено разоблачительной сатире, этот тезис несколько подкорректировала. Франция любвеобильна и игрива, но к делу подходит всегда с холодной головой. Рисунок Вилле — возможно, одна из лучших иллюстраций франко-русских отношений. Симпатии значили очень много, но в большей степени союз России и Франции был браком по обоюдному расчету.

VIII. «Медвежьи объятия»-2

В начале XX века конфигурация европейских отношений вновь изменилась. Тройственному союзу противостояла Антанта в составе Франции, России и Англии. Борьба за сферы влияния между враждебными блоками вылилась в мировую войну.

В августе 1914 года Германия владела инициативой, но была зажата между двумя врагами — Францией и Россией, что ставило ее перед необходимостью войны на два фронта. Немецкий план Шлифена предусматривал молниеносный разгром Франции. Капитуляция западного соседа должна была произойти в кратчайшие сроки, чтобы не дать успеть русской армии мобилизоваться и напасть на Восточную Пруссию. Затем предусматривалась переброска дивизий на Восток и победа над Россией. Вся война, по расчетам немцев, должна была продлиться не более полугода.

---

[31] *Рыбаченок И.С.* Россия и Франция.

[32] Там же. С. 89.

[33] Там же.

[34] *Рыбаченок И.С.* Смеяться вовсе не грешно над тем, что кажется смешно.

Илл. 8

Но мобилизация русских войск прошла значительно быстрее, а захват Восточной Пруссии полностью обескуражил командование Германии. Немецкому орлу пришлось повернуть свой клюв и срочно перебрасывать дивизии на Восточный фронт. Бои шли в тех местах, где за 500 лет до этого, в 1410 году, состоялась Грюнвальдская битва, в которой литовско-польско-русско-монгольские войска разгромили Тевтонский орден. Исторические аналогии представлялись в России свидетельством вечной расовой вражды немцев и славян[35]. Хотя в битве при Танненберге армии Гинденбурга удалось остановить продвижение русских, атака на Париж была отбита французами, план Шлифена провалился, а с ним надежда на блицкриг — война продолжалась еще четыре года. Герой Первой мировой маршал Фош признавал в своих мемуарах: «Если Франция не была стерта с лица Европы, то этим прежде всего мы обязаны России, поскольку русская армия своим активным вмешательством отвлекла на себя часть сил и тем позволила нам одержать победу на Марне»[36].

---

[35] Новое время. № 13 776. 20 июля (2 августа). 1914. Журналист «Нового времени» М. Меньшиков даже сравнил действия России и Франции против Германии с войнами древности, происходившими на европейском континенте еще до нашей эры, «когда славянам и кельто-латинским народам приходилось общими усилиями укрощать "белокурого зверя", жившего между ними». См.: Новое время. № 13 832. 14 (27) сентября. 1914.

[36] Цит. по: *Яковлев Н.* 1 августа 1914 года. М., 1993. С. 73.

Событиям начала Первой мировой войны, очевидно, посвящена задиристая французская открытка 1914 года. Северный медведь в николаевской фуражке говорит кайзеровскому орлу: «Наконец я тебя держу!.. и мы потанцуем». Карикатура смеется над провалом немецкой стратегии, давая понять, что положение хищной птицы унизительно и безнадежно. Части тела животных здесь могут иметь также геополитический контекст. Ноги орла — приграничные с Россией восточные германские земли — оказались уязвимы для крепких медвежьих лап — двух русских армий.

Итак, в сюжетах европейской карикатуры медведь персонифицирует русского императора и его ресурсы — большую православную страну с холодным климатом и рабски покорным населением. Главной чертой медвежьего характера является сила. Медведь всегда на первых ролях, он стремится «вести игру». При этом прожорлив, жаден и вороват. Медведь агрессивен, может нарушить чужие права. Он «хозяин леса», царь-деспот. Ночной зверь, свету он предпочитает сумерки, просвещению — невежество. Часто в карикатуре медведь изображается единственным зверем среди людей — персонажей, олицетворяющих европейские страны. Контраст подчеркивает враждебную культурным европейцам природу России, ее «нецивилизованность» и даже дикость. Опасения вызывал циклический образ жизни медведя, его способность к «регенерации». Проблема контроля над Россией нашла свое символическое решение в образах запертого в клетку или посаженного на цепь зверя. Отождествление с медведем усиливало русофобию. Вплоть до конца восьмидесятых годов XIX века в европейской карикатуре русский медведь — негативная, в лучшем случае нейтральная фигура. Даже его любовь к сладкому трактуется как слабость, «вредная привычка».

С началом франко-русского сближения образ медведя становится двойственным — не только демоническим, но и романтическим. Русский медведь гиперсексуален. Но если в британских шаржах это его качество сигнализирует «жительницам» европейского леса об угрозе стать жертвой медвежьего флирта, то во французской сатирической графике медведь представлялся подходящим партнером для Марианны, верным и надежным ее защитником от хищного германского орла.

Надо признать, нынешние русские медведи, появляющиеся в западной карикатуре, вызывают куда меньшую симпатию.

Андрей Россомахин, Денис Хрусталёв

РУССКИЕ МЕДВЕДИ ИЗ ЖУРНАЛА «ФАН»

Главное сатирическое издание викторианской Англии — еженедельник «Панч, или Лондонский кавардак» («Punch, or the London Charivari») — было основано в 1841 году журналистами Генри Мэйхью, Джозефом Коэном, Марком Лемоном и художником-гравером Эбенезером Лэнделсом. Подзаголовок отсылал к знаменитому французскому сатирическому изданию «Шаривари» («Le Charivari»)[1], а между названием журнала и именем первого издателя (Mark Lemon) проводилась игровая связь: «punch is nothing without lemon»[2]. С самого начала «Панч» был задуман как иронический бюллетень, дающий оперативный отклик на события политической жизни. Мистер Панч — коротышка-горбун с крючковатым носом, образ, восходящий к одной из масок итальянской комедии дель арте (Пульчинелло)[3], — стал главным героем журнальных рисунков и статей, замещая вездесущего трикстера.

С 1851 по 1901 год с «Панчем» сотрудничал Джон Тенниел (1820—1914), выдающийся мастер викторианской карикатуры, ныне известный главным образом в качестве первого иллюстратора-интерпретатора кэрролловского абсурда. Именно Тенниел создал на страницах «Панча» выразительный политический бестиарий, окончательно закрепив образ «Русского Медведя» в сознании современников и потомков[4].

«Панч» представлял собой сатирический еженедельник объемом в 12 страниц (газетная бумага, черно-белая печать, многочисленные рисунки и стишки на злобу дня). Отражавший поначалу

---

[1] Этот журнал был основан в 1832 году карикатуристом Шарлем Филипоном, впоследствии создателем знаменитого карикатурного образа короля Луи Филиппа (в виде груши) и открывателем таланта Оноре Домье.

[2] То есть как «пунш не может быть без лимона», так и «"Панч" не может быть без Лемона». Отметим, что у слова *punch* есть и другие значения: «полный человек небольшого роста, толстяк-коротышка»; «избиение»; «удар кулаком».

[3] Этот образ трансформировался во Франции в Полишинеля (Polichinelle), а в России — в Петрушку.

[4] Нами подготовлен к печати масштабный комментированный альбом викторианских карикатур с изображением Русских Медведей. Помимо работ Тенниела, в альбом вошли Russian Bears еще десяти английских художников. Настоящая статья представляет собой небольшой фрагмент этой работы. См. также нашу публикацию об одной из карикатур Тенниела периода Крымской войны: *Россомахин А., Хрусталев Д.* Россия как Медведь // Неприкосновенный запас. 2008. № 1 (57). С. 132—140.

умеренно либеральные взгляды, к 1860-м годам журнал получил более консервативную направленность, следуя вслед за большинством своих подписчиков, которые разделяли позицию тори со всеми их стереотипами. Чужаками для «Панча» были отнюдь не только «русские медведи», но и американцы, и ирландцы, и католики, и собственный рабочий класс, и европейцы, оппозиционные английской политике. Впрочем, отражение взглядов миддл-класса не мешало «Панчу» атаковать не только британский кабинет (и прежде всего премьера Дизраэли), но даже членов королевской семьи.

Популярность «Панча» была столь высока, что со временем на рынке Лондона появились его многочисленные клоны: «Judy», «Funny Folks», «Tomahawk», «Hornet» и др. А в 1870 году в Нью-Йорке возник журнал «Панчинелло» («Punchinello») — схожий с «Панчем» не только по концепции и дизайну, но даже и по названию.

Но действительным конкурентом прародителя-«Панча» стал журнал «Фан» («Fun»), возникший ровно на два десятилетия позже. Его название можно перевести как «шутка», «веселье», «забава». Будучи более либеральным, «Фан» успешно конкурировал с «Панчем» около двадцати лет: если в 1870-х тираж «Панча» был около 40 000 экземпляров в неделю, то тираж «Фана» достигал 20 000[5]. Успешной экспансии способствовало и то, что «Фан» стоил одно пенни, в отличие от «Панча», который был в три раза дороже.

Основателем «Фана» стал актер и сценарист Генри Джеймс Байрон. Самый первый номер журнала вышел 21 сентября 1861 года[6]; выходил еженедельник сорок лет — вплоть до 1901 года; из публиковавшихся на его страницах авторов впоследствии широко прославился Амброз Бирс.

«Фан» в точности копировал «Панч»: те же 12 страничек на газетной бумаге, многочисленные черно-белые иллюстрации в тексте и одна полосная гравюра; абсолютно тот же тип оформления (верстки), та же периодичность — каждую субботу[7]; сквозная нумерация всех страниц в рамках полугодия, после чего все номера переплетались в один роскошный том; наконец, по аналогии с *мистером Панчем*, свой колоритный типаж — *мистер Фан*. Этот

[5] Для сравнения: тираж лондонской «The Times» был около 70 000 экземпляров.

[6] Любопытно, что на обложке первого тома (объединившего номера до 15 марта 1862 года включительно) далеко на заднем плане можно разглядеть и интересующего нас Русского Медведя, вслед за которым ковыляет двуглавый Орел.

[7] Но с 1878 года, в отличие от «Панча», он стал выходить по средам.

«клонированный» характер издания дал повод Уильяму Теккерею назвать выскочку не иначе, как *Funch*[8].

Тенниеловские рисунки в «Панче» (political cartoons) были настолько популярны, что художники «Фана» буквально копировали его манеру[9]. При этом в «Фане», в отличие от «Панча», анималистические мотивы в политических карикатурах были более редкими. Тем не менее за те четверть века (1860—1880-е), в течение которых «Фан» был наиболее популярным и успешно конкурировал с «Панчем», Русский Медведь стал персонажем многих миниатюрных зарисовок, а также ряда страничных иллюстраций (Big Cut), часть из которых мы публикуем в конце статьи.

Необходимо сказать несколько слов о художниках, создавших этих Медведей. Первые две гравюры сделаны по рисункам Мэта Моргана, рисовавшего для «Фана» с 1862 по 1864 год. В 1870-м Морган уехал в Нью-Йорк, перед этим в течение нескольких лет успев поработать для сатирических журналов «Комик Ньюс» («Comic News»; с марта 1865 — «The Bubble») и «Томагавк» («The Tomahawk: A Saturday Journal of Satire»).

Все остальные иллюстрации созданы Джоном Гордоном Томпсоном. В молодости Томпсон совсем недолго сотрудничал с «Панчем» (в 1864-м), а затем, с 1870 года, стал рисовать для «Фана», где в последующие двадцать лет являлся одним из самых плодовитых карикатуристов.

Среди персон, составляющих компанию Русскому Медведю на страницах «Фана», — французский император Луи Наполеон, король объединенной Италии Виктор Эммануил, немецкий канцлер Отто Бисмарк, болгарский князь Александр Баттенбергский, английские премьер-министры Уильям Гладстон, Бенджамин Дизраэли и Роберт Солсбери. На четырех листах оппонентом Медведя является также и персонифицирующий Англию Джон Булль.

По крайней мере трижды Медведь являл собой не просто изображение России, а репрезентацию ее царей: Александра II и Александра III. Впрочем, у Томпсона Медведь практически всегда изображен в императорской короне — в отличие от Тенниела, у которого он обычно в имперской каске.

Неоднократно в названиях гравюр и в репликах их персонажей используются каламбуры. Так, например, упомянутый на листе

---

[8] Отметим, что знаменитый автор «Ярмарки тщеславия» сам писал и рисовал для «Панча» в 1846—1854 годах.

[9] Открыто подражали Тенниелу и художники таких изданий, как «Джуди» («Judy, or the London Serio-comic Journal») и «Томагавк» («The Tomahawk»); оба эти еженедельника стали выходить в Лондоне с 1867 года. Отметим, что по аналогии с «Панчем», где сквозным персонажем была собачка Тоби, на обложках и виньетках «Джуди» постоянно присутствовала кошечка.

№ 8 «бекон» (bacon) свиноподобного Медведя отсылает к титулу Дизраэли — лорду Биконсфильду (Beaconsfield). Карикатура № 6 вообще не содержит изображения Медведя, однако в ее названии использован оригинальный неологизм BEAR-GLAR, происходящий от созвучного BURGLAR — вор-взломщик, ночной грабитель, на воровском жаргоне «медвежатник», взломщик сейфов. А в уничижительно-ироническом именовании Rooshan Bear (№ 14) подразумевалось, вероятно, «медведь, набитый соломой».

В целом можно отметить едкость и резкость карикатур «Фана», ориентированного на менее взыскательную, чем у «Панча», аудиторию. Анализ международной обстановки в «Фане» выглядел менее аккуратным и более бравурным, характеризовался меньшим вниманием к фактам и большей эмоциональностью.

Актуальным контекстом «медвежьих» гравюр были польское восстание (1863—1864), русско-турецкая война и Сан-Стефанский мирный договор (1877—1878), Берлинский конгресс и Всемирная Парижская выставка (1878), столкновение интересов России и Англии в Афганистане (1880-е), государственный переворот в Болгарии (1886).

Далее все карикатуры мы сопровождаем переводом английских названий и реплик, а также краткими историческими справками и комментариями[10].

[10] Этот аннотированный мини-каталог «медвежьих» карикатур из «Фана» продолжает работу, начатую нами в книгах «Русская Медведица, или Политика и похабство» (СПб., 2007; с приложением каталога гравюр XVIII века — то есть наиболее ранних изображений России в образе Медведя) и «Польская диета Русского Медведя» (СПб., 2009; с приложением каталога английских «медвежьих» гравюр 1826—1832 годов). Подробный каталог английских карикатур 1798—1801 годов, изображавших в виде медведя Павла I, см. в нашей новой книге «Вызов императора Павла, или Первый миф XIX столетия» (СПб., 2011).

THE TWO BUTCHERS.

№ 1

THE EAGLE AND THE BEAR.

№ 2

BEARLY CIVIL.

№ 3

THE BEAR'S LEADER—OR MISLEADER?

№ 4

TAMED!

№ 5

THE RUSSIAN BEAR-GLAUS ON THEIR KEY-HOLY MISSION.

№ 6

GERMANY'S INTERVENTION.

PRINCE BIZZY-BOOF—AS THE FRIEND OF EVERYONE IN GENERAL AND RUSSIA IN PARTICULAR.

№ 7

THE RUSSIAN PIG.

(A Study at the International Cattle Show.)

№ 8

№ 1. 28 марта 1863	**THE TWO BUTCHERS** *Artful Boy*: «Go it, Russia! Go it, Prussia Two on to one is quite fair». **ДВА МЯСНИКА** *Хитрый малый*: «Давай, Россия! Давай, Пруссия! Двое на одного — это по-честному». Россия и Пруссия увлеклись подавлением польского восстания 1863 года, а в это время французский император Наполеон III пытается украсть, то есть присоединить к Франции, Рейнские провинции («Rhine provinces» написано на окороке), на которые претендует и Пруссия.
№ 2. 25 апреля 1863	**THE EAGLE AND THE BEAR** *Russia*: «Pretty Poley! Pretty Poley! Come back to its loving Father, and it sal be forgiven, it sal!» **ОРЛИЦА И МЕДВЕДЬ** *Россия*: «Милая Полюшка! Милая Полюшка! Вернись обратно к своему любимому папочке, и я все прощу, все-все!» Карикатура связана с попытками российских властей потушить польское восстание обещаниями реформ, прежде всего аграрной, которая и была проведена. На голове Орлицы фригийский колпак, на шее надпись «Poland». В ногах коронованного Медведя валяется неизменная плетка (с ней он изображен и на предшествующем листе) и стоит ящик с надписью «Salt» (соль) — в продолжение экзекуторских ассоциаций: плеть, розги, соль.
№ 3. 26 ноября 1870	**BEARLY CIVIL** *John Bull*: «Come, if you're so very ravenous — try this!» **ПО-МЕДВЕЖЬИ ВОСПИТАННЫЙ / [ЕДВА ЦИВИЛИЗОВАННЫЙ]** *Джон Булль*: «Давай! Если ты такой прожорливый — попробуй это!»

	Карикатура связана с заявлением России об отказе исполнять унизительные условия Парижского мира 1856 года (именно его рвет Медведь) и протестом британского правительства (вплоть до угрозы войны). За спиной Булля группа поддержки: итальянский король Виктор Эммануил, прусский король Вильгельм, а также турецкий султан.
№ 4. 3 декабря 1870	**THE BEAR'S LEADER — OR MISLEADER?** *Bismarck*: «The Bulldog shows his teeth sooner than I thought. The Bear has shown *his* claws before my secret clauses were quite ready». **МЕДВЕЖИЙ ПОВОДЫРЬ — ИЛИ ПСЕВДОПОВОДЫРЬ?** *Бисмарк*: «Бульдог показал свои клыки раньше, чем я думал. Медведь уже показал *свои* когти, до того как мои секретные условия были подготовлены». В ходе франко-прусской войны французская империя пала (сентябрь 1870), что позволило Бисмарку объявить в январе 1871 года о возрождении германской империи. Карикатура связана с дипломатической подготовкой этого заявления и игрой Германии на противоречиях между английским Бульдогом и русским Медведем.
№ 5. 10 декабря 1870	**TAMED!** *Manager of the Real Russian Bear:* «Quite quiet, you see. Only wants a little management!» *Bull*: «H'm!» **УКРОТИЛИ!** *Поводырь настоящего Русского Медведя*: «Вполне смирный, как видите. Только требует небольшого управления». *Джон Булль*: «Гм...» Бисмарк укрощает Русского Медведя под наблюдением британского полисмена

	(Джона Булля), за которым прячется турок. На стене табличка «Europastrasze» («улица Европейская»). Прусский канцлер убедил Россию, заявившую об одностороннем отказе исполнять унизительные статьи Парижского мира 1856 года, вынести этот вопрос на рассмотрение международной конференции, которая и состоялась в начале 1871 года.
№ 6. 27 февраля 1878	**THE RUSSIAN BEAR-GLARS ON THEIR KEY-HOLY MISSION** *Gortschy*: «It's all right, Sir, please Sir; our intentions is strictly 'oly and honourable on this 'ere Constantinople lay». *P.C.Beaconsfield*: «Oh, indeed, are they? Just you move on, or come along with me to the Conference Police Court». **СВЯЩЕННАЯ МИССИЯ РУССКИХ МЕДВЕЖАТНИКОВ** *Горчи* [Горчаков]: «Все в порядке, сэр; пожалуйста, сэр; наши намерения по отношению к Константинополю исключительно святы и благородны». *Лорд Биконсфильд* [Дизраэли]: «О, действительно, в самом деле? Проходите, или отправимся в полицейский участок». Карикатура связана с победой России в русско-турецкой войне. Дабы воспротивиться вводу русских войск в Константинополь, Великобритания направила в Босфор свой флот и грозила России новой войной. В названии карикатуры содержится каламбур: вместо слова «Burglar» (вор-взломщик, ночной грабитель) использован неологизм «Bear-Glar», что можно перевести как «медвежатник», взломщик сейфов. С премьером Дизраэли в форме констебля, охраняющего ворота турецкой столицы, беседует подслеповатый князь Горчаков, прячущий за спиной отмычку. На заднем плане второй «медвежатник», шеф «слепого Горчи» — император Александр II. Поскольку на

	дверях изображена гигантская замочная скважина, а в названии гравюры использованы слова «Key» (ключ) и «Holy» (священный, святой), эта сцена может отсылать также и к библейскому сюжету (Мф 16:18—20): Дизраэли как апостол Петр с ключами от райских врат (т.е. от вожделенного Константинополя).
№ 7. 24 апреля 1878	**GERMANY'S INTERVENTION** Prince Bizzy-Body — as the friend of everyone in general and Himself in particular. **НЕМЕЦКОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО** Князь Биззи-Боди [Бисмарк] — друг каждому и себе в особенности. Карикатура связана с действиями германского канцлера Бисмарка по разрешению конфликта, который возник между Россией и Великобританией из-за несогласия Лондона с унизительными для Турции условиями Сан-Стефанского мирного договора (19 февраля 1878), завершившего русско-турецкую войну 1877—1878 годов. Бисмарк успокаивает Льва, воинственно засучивающего рукава (его жилетка расчерчена под «Юнион Джек»), в то время как Медведь украдкой достает нож.
№ 8. 11 декабря 1878	**THE RUSSIAN PIG** (A Study at the International Cattle Show) *Britannia*: «Disgusting Animal! But all his wallowing in the dirt won't save his bacon». **РУССКАЯ СВИНЬЯ** (на международной животноводческой выставке) *Британия*: «Отвратительное животное! Но сколько б оно в грязи ни валялось, все равно его бекон съедят». Надпись на вывеске гласит: «Хряк Николас продан старому Нику» («Breeder Nicolas sold to Old Nick»). Надпись на сене:

	«Лживые увертки» («Falsehoods evasions»). Надпись на ведре: «Соглашения» («Treaties»). Старый Ник — это полузабытая кличка Николая I (и одновременно одно из английских прозвищ дьявола). Поросенок в очках рядом с Медведем — это российский канцлер А.М. Горчаков. Карикатура связана с англо-русским конфликтом из-за Афганистана, куда в конце ноября 1878 года британское правительство, возглавляемое Бенджамином Дизраэли, ввело войска. Дизраэли беседует с леди Британией, представленной в образе Афины-Воительницы. На дальнем плане Джон Булль в образе моряка. В тексте содержится игра вокруг слов «бекон» («bacon») и «маяк» («beacon»), отсылающих к титулу Дизраэли — лорду Биконсфильду («Beaconsfield»).
№ 9. 18 марта 1885	**ON THE ROAD TO HERAT. — THE INDIAN RED RIDING HOOD** «What cunning eyes you've got». — «All the better to see you, my dear». «What cheek you've got». — «All the better to smile with, my dear». «What a great jaw you've got». — «All the better to gobble you up with». **ПО ДОРОГЕ В ГЕРАТ. — ИНДИЙСКАЯ КРАСНАЯ ШАПОЧКА** «Какие у тебя хитрые глаза!» — «Это чтобы лучше видеть тебя, моя дорогая». «Какая у тебя большая щека [наглость]!» — «Это чтобы лучше улыбаться тебе, моя дорогая». «Какая у тебя огромная пасть!» — «Это чтобы было удобнее сожрать тебя!» На дальнем плане изображены Гладстон с топором и табличка: «Лицо, вторгающееся в частные владения, будет преследоваться законом» («Trespassers will be prosecuted»). Карикатура связана с произведенным в марте 1885 года захватом

	Россией района Кушки на границе Афганистана и разразившимся в связи с этим кризисом в русско-английских отношениях, едва не приведшим к войне. Кушка открывала свободный путь на Герат и, как считала английская пресса и правительство, на Индию. Слово «Cheek» из подписи к карикатуре переводится и как «щека» (в ед. числе), и как «наглость, нахальство, дерзость» — т.е. этот каламбур порождает реплику: «Ну и наглец же ты!»
№ 10. 15 апреля 1885	**RUSSIAN DIPLOMACY; OR, THE PERFORMING BEAR** Grand tableau, representing peace and innocence. **РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ, ИЛИ ДРЕССИРОВАННЫЙ МЕДВЕДЬ** Яркий пример мира и непорочности. 13 марта 1885 года Россия подписала и передала в Лондон гарантийные обязательства не начинать первой военные действия против Афганистана. Однако 18 марта 1885 года война все же разразилась, и русские войска заняли Кушку. На карикатуре вооруженный Русский Медведь танцует с легковерным британским премьер-министром Уильямом Гладстоном. Под их ногами растоптанные ветви, в воздухе парит бумага с надписью «Agreeme[nt]» («Соглашения»).
№ 11. 15 апреля 1885	**RUSSIAN DIPLOMACY; OR, THE PERFORMING BEAR** Another little tableau, representing the further development of peace and innocence. **РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ, ИЛИ ДРЕССИРОВАННЫЙ МЕДВЕДЬ** Еще одна небольшая картина дальнейшего развития мира и спокойствия. Карикатура связана с русским захватом Кушки на границе Афганистана в марте

	1885 года и разразившимся русско-английским конфликтом, едва не приведшим к войне из-за опасений Лондона, что русские войска вскоре двинутся прямиком в Индию. На карикатуре Русский Медведь в кирасе и каске терзает поверженного афганского эмира, а у него за спиной Джон Булль в форме колониальных войск охраняет пограничный столб с указателем дороги на Индию.
№ 12. 13 мая 1885	**THE INTERNATIONAL INVENTORIES** The patent double-action arbitration invention for averting war. — *Messrs. Gladstone & Co.* **МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНВЕНТАРЬ** Запатентованное двойного действия третейское средство для предотвращения войны. — *Господа Гладстон и К°.* Надпись под пушкой: «Устройство для сохранения мира» («Invention for preserving peace»). Карикатура связана с англо-русским конфликтом из-за Афганистана, разразившимся в связи с захватом русскими войсками Кушки. Премьер-министр Гладстон представлен в роли победителя, который сумел угрозой войны обуздать амбиции Русского Медведя, стремившегося к захвату Индии. Гладстон держит под мышкой розги, Медведь прячет окровавленный штык, но оба общаются с любезными улыбками.
№ 13. 27 мая 1885	**A HAPPY HOLYDAY. — HOMEWARD BOUND** **СЧАСТЛИВЫЙ ПРАЗДНИК. — ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ** Премьер-министр Гладстон представлен облепленным неразрешенными внешнеполитическими проблемами: восстанием канадских индейцев, проблемами Турции в Болгарии, неудачами в Африке,

	интервенцией России в Афганистан (игрушечный медведь висит на жезле афганского эмира). На дальнем плане возглас очевидца: «What Cheer Gladdy!..» («Ай да Гладстон!..»). Карикатура как бы говорит: и все это он привез в Англию! Уже через десять дней (9 июня 1885) Гладстон подаст в отставку.
№ 14. 10 июня 1885	**BETWEEN THE ACTS** William and the Rooshan Bear talking it over. **МЕЖДУ АКТАМИ** Уильям [Гладстон] и [Русский] Медведь болтают о своем. Карикатура связана с англо-русским конфликтом из-за Кушки и Афганистана. Гладстон сумел предотвратить войну с Россией и договориться о создании англо-русской комиссии, призванной демаркировать западную часть русско-афганской границы. Предварительный акт о демаркации будет подписан 29 августа 1885 года в Лондоне. Подняв забрало рыцарского шлема и опираясь на «Blueboo[k]» («Синюю книгу», т.е. правительственный отчет), мастер политической игры Гладстон пьет крепкое пиво (Half) с императором Александром III, снявшим костюм «Кровожадного медведя» и довольствующимся легким пивом (Mild). На заднем плане висит шашка с подписью «Mr. Komaroff» — шашка генерала Комарова, захватившего Кушку.
№ 15. 1 сентября 1886	**«UNDER CONTROL!!»** «*Bobby*» *Salisbury*: «Look there, why don't you muzzle him?» *Police Sergeant Bismarck*. «Muzzle him yourself; it's as much your business as mine». **«ПОД КОНТРОЛЕМ!»** *Констебль* [*лорд*] *Солсбери*: «Взгляни на это, почему ты не наденешь на него ошейник?»

	Сержант полиции Бисмарк: «Сам надень! Это такое же мое дело, как и твое». Карикатура связана с прорусским переворотом в Болгарии, в ходе которого был свергнут князь Александр Баттенбергский. Англия выступила с резким осуждением этих действий. Германия была более сдержанной.
№ 16. 8 сентября 1886	**IN HIS CLUTCHES** *Prince of Bulgaria (rubbing himself):* «Awfully obliged, I'm sure; so kind of you to play with me». *Russia.* «Oh, don't mention it. Let's have another game». **В ЕГО ЦЕПКИХ ОБЪЯТИЯХ** *Болгарский князь* (*потирая себя*): «Я очень вам обязан, как мило с вашей стороны, что вы решили сыграть со мной». *Россия*: «О, не стоит благодарности. Давайте сыграем еще разок». Болгарский князь Александр Баттенбергский после своего свержения 20 августа 1886 года попытался вернуть себе трон, но 8 сентября был вынужден отречься от престола. Карикатура высмеивает лицемерную позицию князя Александра, пытавшегося договориться с Россией, и не менее лицемерные действия России, державшей на границе Болгарии войска и имевшей большое влияние внутри страны.

Магдалена Жаковска

ИЗОБРАЖЕНИЕ РОССИИ-МЕДВЕДЯ В НЕМЕЦКОЙ КАРИКАТУРЕ 1914—1945 годов

> Тенденция к одностороннему видению России и инструментализации ее образов проявляется как в их идеализировании, так и в демонизации[1].
>
> *Эдмунд Дмитрув*

> Das ist der Preußen schönstes Ziel, den Russenbär zu lausen. Der Dreck ist ihnen nie zuviel, sie tun es ohne Grausen.
>
> *«Simplicissimus». 1904. № 20*

Россия, не отказывающаяся от собственной «инаковости», опасная, таинственная и привлекательная, представляет собой классический образ Чужого для людей с Запада. На Западе в литературном и философском дискурсе преобладают образы этого государства как Другого, воображаемого пространства, в котором собралось все чужое, возбуждающее, опасное[2]. Специфическим местом и временем развития и «научного» доказательства правильности национальных стереотипов стала Германия первой половины XX века. В этом государстве, пережившем две мировые войны, Великий кризис и разочарование послеверсальской политикой держав, имел место апогей немецкого национализма, расизма, славянофобии, пропаганды лозунгов «Lebensraum» и «Drang nach Osten».

Ни до, ни после этого в Германии не появлялось так много русофобской риторики.

> Согласно изображениям и ожиданиям, — пишет польский историк Эдмунд Дмитрув, — рядом друг с другом существовали образы России как угрожающего могущества и одновременно обедневшего, слабого [...] «гиганта на глиняных ногах»[3].

---

[1] *Dmitrów E.* Obraz Rosji i Rosjan w propagandzie narodowych socjalistów 1933—1945. Warszawa, 1997. S. 115.

[2] *Crudopf W.* Russland-Stereotypen in der deutschen Medienberichterstattung // Arbeitspapiere des Osteuropa-Instituts der Freien Universität Berlin. 2000. H. 29. S. 28.

[3] *Dmitrów E.* Op. cit. S. 114.

Описание черт «типичного» славянина, отождествленного по преимуществу с русским, «было основано на схеме: немцы = культура, разум, организация, порядок, творчество; славяне = варварство, инстинкт, "темное царство", отсутствие организационных (прежде всего государственно-созидательных) способностей, беспорядок, леность»[4]. В риторике Й. Геббельса русский является «бесконечно злым и бесконечно добрым», «фанатически настроенным как в правде, так и во лжи», «юным и одновременно зрелым, имея в виду глубину [его] чувств»[5]. Во время войны Г. Гиммлер, иллюстрируя тезис о «двойной душе» русских, писал, что даже трудолюбивый и богобоязненный русский — это, в сущности, «необузданный зверь», склонявшийся «к самым извращенным делам, вплоть до поедания своих товарищей и до укрывания печени соседа в своей сумке»[6].

Эти лозунги — в смягченной форме — в немецких русофобских и русофильских стереотипах существуют, очевидно, до сих пор. Их иконографическое выражение я буду обсуждать на материале представляющих «русского медведя» карикатур, которые публиковались в самых популярных немецких сатирических журналах, «Simplicissimus» и «Kladderadatsch», в период с начала Первой мировой войны до окончания Второй мировой.

Карикатура, особенно политическая, являет собой искусство прикладное. Чем хуже отношения между государствами, тем чаще изображения соперника наделяются наименее лестными характеристиками; никого карикатуристы так охотно не увековечивают, как Врага. Напротив, чем лучше отношения, тем менее востребованной становится сатирическая графика. Что же касается Врага покоренного, то он, как правило, не появляется в карикатуре совсем. В эту схему вполне вписываются закономерности репрезентаций в Германии России/СССР и русских: чаще всего они гостили на страницах немецких сатирических изданий, когда выступали для немцев угрозой, Чужим, а именно:

— во время Первой мировой войны (1914—1918);
— в гитлеровское время до начала Второй мировой войны (1933—1939);
— во время Великой Отечественной войны (1941—1945).

И наоборот, Россия/СССР и русские удостаивались меньшего внимания со стороны немецких карикатуристов, когда были для Германии «товарищем по несчастью» или же союзником:

— в период после Февральской революции (1917);

[4] *Dmitrów E.* Op. cit. S. 114.
[5] Ibid. S. 183.
[6] Ibid. S. 172.

— после заключения мира между Германией и Советской Россией (1918);
— во время польско-советской войны (1920);
— в период с Рапалльского договора (1922) до прихода Гитлера к власти (1933);
— между началом Второй мировой и началом Великой Отечественной войны (1939—1941).

Вместе с тем необходимо принимать во внимание, что карикатура представляет собой искусство, в котором сиюминутный практический интерес побеждает не всегда. Это своеобразное зеркало, в котором отражаются устойчивые национальные стереотипы и предубеждения — как сознательно, так и бессознательно, непроизвольно. Немецкое сатирическое искусство обсуждаемого периода вписывается в эту схему. Очевидно, многим немцам сложно было избежать русофобии даже в те периоды, когда этого требовали от них пропагандистские наставления. Этот факт, на мой взгляд, становится достаточно очевидным, если сравнить способы репрезентаций России/СССР с характером портретирования других государств, удостоенных внимания в немецких сатирических журналах. Прежде всего подчеркнем, что Россия и ее граждане значительно чаще были представлены при помощи образов животных. Даже когда рисунки выражали положительное отношение к России/СССР, в них использовалась животная метафора. Принципиально, что Россия нередко являлась единственным зверем среди людей. При этом я не обнаружила ни одной карикатуры, в которой, напротив, Россию/СССР в человеческом обличье сопровождали бы звериные образы других государств.

Самым популярным символом России и СССР в Германии был медведь. Уже в конце XVII века, когда «крещеными медведями» назвал русских Готфрид Лейбниц[7], понятие «русский медведь» укоренилось в немецком стереотипе этого государства и было наделено теми чертами, которые приписывались этому зверю в символике древних германцев. Согласно этим представлениям, медведь выступал в качестве царя зверей, посредника между небом и землей[8], магического зверя, культ которого связан с культом плодородия[9]. Немецкий семиотик Рудольф Гросс сформулировал даже тезис, что медведь служил для германцев своеобразным символом «сверхчеловека». Магического красно-бурого медведя причисляли

[7] *Кантор К.* Кентавр перед Сфинксом // Кентавр перед Сфинксом (Германо-российские диалоги) / Ред. К. Кантор. М., 1995. С. 36.

[8] *Андреева В., Ровнер А.* Медведь // Иллюстрированная энциклопедия символов / Сост. А. Егазаров. М., 2003. С. 453.

[9] *Gross R.* Dlaczego czerwień jest barwą miłości. Warszawa, 1990. S. 188—189.

к числу божественных зверей. Бурый медведь символизировал мужскую, в том числе сексуальную, силу[10]. Популярный в немецкой геральдике, он наиболее известен как символ «грубой» Саксонии; а также в облике достойного бурого медведя присутствует в гербе Берлина[11].

В первой половине XX века российское/советское государство часто изображалось в образе медведя. Русский народ был представлен как могучий бурый медведь, скованный или разбивший оковы; сразу после Февральской революции его атрибутом стал фригийский колпак[12]. Похожий медведь, только наделенный такими атрибутами, как корона, сабля или офицерский головной убор, олицетворял российскую армию и власть. Советское государство сначала изображалось в облике красного или белого медведя, однако его главным символом довольно быстро — особенно после 1933 года — стал рыжий «медведишка» в буденовке, с серпом и молотом или же с красной звездой на космах. Тот же медведь был представлен как символ «коммунистической заразы», угрожающей миру[13]. В облике медведя карикатуристы изображали также правителей — в первую очередь облаченного в медвежью шкуру варварского, демонического Сталина[14].

Отметим также «цветовую палитру» «русского медведя»: он был красным, белым, бурым, зеленым (!), но чаще всего рыжим.

В «русском медведе» немецких карикатуристов совместилось много отрицательных черт. Если согласиться с диагнозом Эдмунда Лича, что самым выразительным способом изображения Другого в западной культуре является представление его в облике дикого зверя[15], то Россия/СССР стали классическим случаем для Германии (Европы). В качестве символа государства он чаще всего воплощал чуждость и угрозу, которые нес цивилизованному миру хищный, варварский восточный монстр[16]. Изображение русского/советского государства в облике зверя оправдывало отношение к нему как к дикому зверю[17]. В качестве символа русского

[10] *Gross R.* Op. cit. S. 190.

[11] *Hudabiunigg I.* Der «Russische Bär» — redivivus? // Narrative Konstruktion nationaler Identität / Hsgb. E. Reichmann. Röhrig, 2000. S. 262. Russischer Bär, «русский медведь» — это в немецком языке также обыкновенное название бабочки Euplagia quadripunctaria

[12] См. карикатуру: Wilsons Botschaft // Kladderadatsch. 1917. № 26.

[13] См. карикатуру: Berlin 1926 // Kladderadatsch. 1926. № 23.

[14] См. карикатуру: Keine Angst, liebe Kinder, ich bin ja gar kein richtiger Bär // Kladderadatsch. 1944. № 12.

[15] См.: *Hudabiunigg I.* Op. cit. S. 266.

[16] См. карикатуру: Edens Wunschtraum // Kladderadatsch. 1942. № 9.

[17] См. карикатуру: Der Bärenhäuter // Kladderadatsch. 1917. № 39.

Илл. 1—3

Илл. 4—6

народа (изображая народ, карикатуристы, как правило, не отождествляли русскость с советскостью) медведь был призван воплотить его дикость, невежество, пьянство, нищету, пассивность, рабство[18].

Образ «русского медведя» в немецкой карикатуре не был однозначным. С одной стороны, подчеркивались сила, грубость и «извращенный эротизм» русских. С конца XIX века популярность приобретает сюжет объятий «русского медведя» и Марианны. Маркируемый как примитивный самец, он воплощал «темную» сторону маскулинности. Карикатуры внушали, что он мог, по не-

[18] См. карикатуру: Der Tanzbär ...ein Wunder jüdischer Dressur // Kladderadatsch. 1943. № 44.

Илл. 7—9

понятным причинам, очаровать распутницу-Францию[19]; однако у германской красавицы-блондинки — цивилизованной Европы он вызывал лишь отвращение и презрение[20].

С другой стороны, «русский медведь» мог изображаться и положительно, символизируя могущество и мужественность европейского Самсона, атакованного со всех сторон[21]. Медведя изображали также в виде нейтральной фигуры — равноценного партнера государств, составляющих концерт держав[22]. Он не был одинок в немецком зверинце народов. Его партнерами были: Англия — лев, Франция — петух, Италия — волчица, Соединенные Штаты — стервятник, Китай — дракон, Польша — свинья, крыса, вошь. Медведь выглядит иногда вполне нейтральной фигурой и на фоне других образов России/СССР, характерных для немецкой сатирической графики. Апогей недоброжелательности наступил, разумеется, после 22 июня 1941 года. В то время СССР стал изображаться, среди прочего, в облике вооруженной могущественной обезьяны и красного хищного чудовища, козлоногого сатаны с лицом Сталина[23].

---

[19] См. карикатуры: Die Dompteuse von Genf // Kladderadatsch. 1934. № 24; Politischer Sommernachtstraum // Kladderadatsch. 1937. № 7. Подпись под карикатурой «Политический сон в летнюю ночь»; Титания: Марианна: «Мой слух влюбился в твой певучий голос, / Мой взор пленился образом твоим; / Мне красота твоя велит поклясться». Моток: Сталин: «По-моему, сударыня, вряд ли это с Вашей стороны разумно» [пер. М. Лозинский].

[20] См. карикатуру: Abgeblitzt // Kladderadatsch. 1938. № 43.

[21] См. карикатуру: Die Ententeverbrecher und der russischer Bär // Kladderadatsch. 1918. № 38.

[22] См. карикатуру: Eine sonderbare Tischordnung // Kladderadatsch. 1939. № 11.

[23] См. карикатуру: Das Kinderopfer // Kladderadatsch. 1944. № 1.

Илл. 10—11

Подводя итог, следует заметить, что образ «русского медведя» существовал в немецкой пропаганде в качестве своеобразного символического Эльдорадо. Его было возможно использовать в качестве обоснования как русофобских, так и русофильских немецких стереотипов; он способствовал созданию и образа союзника, и нейтральной фигуры, и Врага. Этим и можно объяснить такое внимание к медведю со стороны карикатуристов. Чаще всего он становится востребованным во время Первой и Второй мировых войн, реже — в период 1922—1932 годов, когда во взаимных отношениях Германии и СССР доминировало сотрудничество, даже своеобразная дружба. Однако следует отдавать отчет в том, что даже поддержка «русского медведя» не снимала с него клейма Чуждости.

Илл. 12

Необходимо также заметить, что медведь как символ России/СССР в принципе не появлялся непосредственно в нацистской пропаганде — в журналах, фильмах, брошюрах. В этой пропаганде СССР и его жители были анимализированы опосредованно, будучи представлены на рисунках в окружении, например, вшей или крыс. Возможно, это связано с тем, что дикие звери в нацистской идеологии являлись предметом культа[24]; у древних германцев, которыми так восхищались в Третьем рейхе, медведь был царем животных. Другой фактор отмечает Эдмунд Дмитрув. По его мнению,

[24] *Sala Rose R.* Wegetarianizm // Idem. Krytyczny słownik mitów i symboli nazizmu. Warszawa, 2006. S. 261—265.

образ России-медведя не подходил для антисемитской пропаганды (разве что в облике медведя изображали русский народ, угнетенный коммунистами). Иными словами, определенный дефицит использования образов животных для портретирования русских в нацистской прессе (как, например, «Völkischer Beobachter», «Brennessel») можно объяснить тем, что в глазах нацистов самым тяжким способом заклеймения Врага являлась его семитизация[25].

[25] *Dmitrów E.* Op. cit. S. 329—332.

Михал Беняш

НЕ ДРАЗНИТЬ МЕДВЕДЯ! ОБРАЗ РОССИИ В ШВЕДСКИХ СМИ

(Эскиз проблемы)

«Русский медведь» стал в Швеции стандартным, общепринятым образом России, который остается практически неизменным на протяжении десятков, если не сотен лет — вне зависимости от изменений политической обстановки в мире и перемен в самой России. Для рядового шведа «русский медведь» — это нечто чуждое, невменяемое и угрожающее; главная заповедь общения с ним — «Лучше его не дразнить!». Тут, конечно, сказывается влияние «комплекса Полтавской битвы» и утерянной тогда части территории. О том, что образ «русского медведя» появляется уже в сочинениях шведских писателей XVII века, сообщает Р. Пайпс[1]. В гимне, написанном в Швеции по случаю победы армии Карла XII над войском Петра I под Нарвой в 1701 году, Нарва представлена в образе девы, которую, убивая дракона, спасает святой Георгий. Русские при этом уподобляются также огромной орде, жестокой, как волки и медведи[2].

Сегодня общественные настроения стимулируются прежде всего средствами массовой информации. Швеция не является здесь исключением. Говоря об образе России в шведских СМИ, невозможно обойтись без стандартного медведя — он вездесущ. Для телевидения, радио и прессы «Россия» и «медведь», как правило, выступают в качестве синонимов — вне зависимости от затронутой проблематики. Цель статьи состоит в том, чтобы обзорно показать представленность образа России-медведя в репортажах шведских СМИ, посвященных самым различным сферам жизни страны.

Начнем с политических комментариев. «Русский медведь уже не спит», — пишет «Aftonbladet» («Вечерняя газета») от 25.04.2005. О пробуждении большого соседа журналистам позволяет говорить следующая новость: «на первом месте в списке пожеланий на бу-

---

[1] См.: *Лазари А. де, Рябов О.* Русский медведь в польской сатирической графике межвоенного периода (1919—1939) // Границы: Альманах Центра этнических и национальных исследований ИвГУ. Вып. 2: Визуализация нации. Иваново, 2008. С. 165.

[2] Там же. С. 166.